

СТАНИСЛАВ

ЛЕМ

ПРОВОКАЦИЯ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Станислав Лем

Провокация

«Издательство АСТ»

1963, 1973, 1977, 1984, 1986, 1995

УДК 821.162.1-4
ББК 84(4Пол)-44

Лем С. Г.

Провокация / С. Г. Лем — «Издательство АСТ», 1963, 1973, 1977, 1984, 1986, 1995 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-154628-1

Перед вами – «литературные апокрифы» Станислава Лема. Предисловия к ненаписанным книгам, рецензии на несуществующие романы, иронические псевдонаучные лекции, выдуманные от начала до конца. Произведения философские, забавные, бесконечно оригинальные – и, по-лемовски, неподражаемо остроумные! В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.162.1-4

ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-17-154628-1

© Лем С. Г., 1963, 1973, 1977, 1984,
1986, 1995

© Издательство АСТ, 1963, 1973, 1977,
1984, 1986, 1995

Содержание

Мнимая величина	6
Предисловие[1]	7
Цезарий Стшибиш. Некробии	12
Предисловие[4]	13
Реджинальд Гулливер. Эрунтика	17
Предисловие[8]	18
История бит-литературы в пяти томах	25
Предисловие[23]	26
Бит-литература	27
Предисловие ко II изданию	39
Экстелопедия Вестранда в 44 магнитах	42
Прокламанка[30]	43
Экстелопедия вестранда	48
Пробный лист	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Станислав Лем

Провокация

© Stanislaw Lem, 1973, 1984, 1986

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Мнимая величина

stanisław lem

wielkośc
urojona

CZY
TEL
NIE

Предисловие¹

Искусство писания предисловий давно уже требует прав гражданства. Да и сам я давно хотел отдать должное порабощенному слову, которое о себе молчит целых сорок веков – в рабстве у книг, к которым его приковали. Когда же, если не в эпоху равенства всех вер и всех правил, надлежит даровать наконец независимость этому благородному жанру, усмиряемому в колыбели? Я, однако, рассчитывал, что кто-то другой возьмется за это дело, которое в эстетическом плане соответствует ходу развития искусства, а в плане нравственном прямо-таки неотложно. Увы – я просчитался. Напрасно я осматриваюсь и выжидаю: никто не спешит вывести Предисловия из дома рабства, избавить их от принудительной барщины. Делать нечего: придется мне самому – скорее из чувства долга, чем по велению сердца, – прийти на выручку Интродукционистике, стать ее освободителем и акушером.

Многострадальная эта страна имеет свое нижнее царство – Предисловий наемных, тягловых, рекрутских и посконных, ибо рабство развращает. Но нередки в ней также кичливость и сумасбродство, пустая поза и громогласные притязания. Кроме рядовых предисловий, имеются высшие чины: Предупреждения, Вступления и Введения; да и обыкновенные Предисловия друг другу неровня, ведь одно дело – предисловие к собственной книге и совсем другое – к чужой. Предпослать его первому изданию – вовсе не то же самое, что множить в поте лица предисловия к новым и новым изданиям. Мощностъ множества предисловий (пусть даже посредственных), которыми обрастает настырно переиздаваемый труд, превращает бумагу в твердыню, отражающую все наскоки зоилов: кто же дерзнет напасть на книгу с таким бронепанцирем, из-за которого видно уже не столько ее содержание, сколько оногo неприкосновенность и святость!

Предисловие бывает обещанием, намеренно скромным – из чувства собственного достоинства или из гордости; или долговым обязательством за подписью автора; или знаком участия, которое проявляет к книге какой-нибудь авторитет, участия, диктуемого условностями, – дружественного, однако поверхностного и, в сущности, мнимого, то есть мандатом доверия, охранной грамотой, пропуском в большой мир, напутствием из влиятельных уст – напрасной уловкой, грузом, который тащит на дно труд, и без того обреченный на гибель. Несостоятельны векселя предисловий, и редкий из них вдруг осыплет читателя золотом, да еще разродится процентами. Но обо всем этом я умолчу. Я не намерен вдаваться ни в таксономию Интродукционистики, ни даже в элементарную классификацию этого доселе униженного, подъяремного жанра. Клячи и рысаки здесь одинаково ходят в упряжке. Эту, тягловую сторону дела я оставляю Линнеям. Не такое вступление я хочу предпослать своей скромной антологии Освобожденных Вступлений.

Самое время перейти к сути. Чем может быть предисловие? Рекламным захваливанием, лгущим прямо в глаза? Конечно; но также – гласом в пустыне, подобно Иоанну Крестителю или Роджеру Бэкону. Разум говорит нам, что, кроме Предисловий к Творениям, существуют Творения-Предисловия, ведь тезисы и футуромахии ученых, подобно Писаниям всяческих вер, суть Предисловия – к Этому и Тому свету. Так что, поразмыслив, мы видим, что Царство Предисловий несравненно обширнее Царства Литературы, ибо то, что она пытается воплотить, Предисловия предвещают – издалека.

Ответ на уже возникающий вопрос: какого черта понадобилось ввязываться в борьбу за освобождение предисловий и возводить их в ранг суверенного разряда словесности – проглядывает из только что сказанного. Можно дать его простецки и быстро, а можно призвать на помощь высшую герменевтику. Сперва попробуем обосновать наш проект без всякой патетики

¹ © Перевод. К. Душенко, 2010.

– со счетами в руках. Разве не угрожает нам информационный потоп? И разве не в том его ужас, что он красоту красотой побивает, а истину – истиной? Ведь голос миллиона Шекспиров – такой же невнятный и яростный шум, как голос стада буйволов или океанских валов. Миллиарды смыслов, сталкиваясь, не славу приносят мысли, но гибель. Перед лицом такой немилости Молчание – единственный Ковчег Завета и Союза Творца с Читателем, коль скоро первый обретает заслугу, воздерживаясь от всяких высказываний, а второй – аплодируя такому смирению; не так ли? Конечно... и можно бы воздержаться от писания *даже* одних предисловий, без всего остального, но тогда подвиг самоограничения – увы! – не будет замечен, а значит, и жертва не будет принята. Так вот: мои Предисловия – уведомления о грехах, от которых я воздержусь. Так говорит холодный и чисто внешний расчет. Но отсюда еще не видно, что выиграет Искусство от такого освобождения. Мы уже знаем, что избыток даже небесной манны парализует. Как же спастись от него? Как уберечь творческий дух от samozaxlebyvaniya? И точно ли именно в этом спасение, точно ли именно через Предисловия проходит правильный путь?

Великий учитель, герменевтик из дворян-землепашцев, Витольд Гомбрович так изложил бы дело. Не о том речь, чтобы кому бы то ни было, хоть бы и мне, идея освобождения Предисловий от Содержания, которое они должны предвещать, пришлось бы по сердцу – или же не пришлось. А речь о том, что невозможно идти против закона Эволюции Формы. Искусство не может ни стоять на одном месте, ни повторять себя до бесконечности – и как раз потому не может *только лишь* нравиться. Если ты снес яйцо, ты должен его высидеть; если из него вылупилось не пресмыкающееся, а млекопитающее, надо напитать его молоком; а если, в конце концов, на этом пути встретится нечто, вызывающее у нас неприязнь и даже позывы к рвоте, ничего не попишешь: уж коли мы до Этого доработались, дорвались и сами себя дотащили, то по резонам более важным, нежели тяга к удовольствию, придется нашим глазам, ушам, разуму терпеть все Новое, категорически нам предписанное, раз уж оно открыто по дороге туда, ввысь – где, правда, никто не бывал и побывать не желает, ведь неизвестно, можно ли там выдержать хотя бы минуту, – но для Развития Культуры это, ей-богу, совершенно не важно! Эта лемма с поистине гениальной бесцеремонностью вместо прежнего рабства – произвольного, а значит, бессознательного – предлагает нам новое; она не разрывает пути, а лишь удлиняет лонжу, гонит нас в Незнаемое, называя свободой – осознанную необходимость.

Но я, признаюсь в этом честно, иного жажду обоснования для ереси и мятежа. И потому говорю: хотя в известном смысле правда то, что было сказано во-первых и во-вторых, однако же не вся правда и не единственно возможная, ибо – в-третьих – в деле творения можно применить алгебру, подсмотренную у Всемогущего.

Вспомните: как речисто Писание, как многословно Пятикнижие в описании *результата* Творения – и сколь лаконично в показе его рецептуры! Было вневременно и хаос, и вдруг ни с того ни с сего повелел Господь: «Да будет свет» – и готово; а между тем и другим не было ничего – ни щелки, ни метода? Не верю! Между Хаосом и Сотворением была чистая интенция, еще не ослепленная светом, не вовлеченная в Мироздание до конца, не запачканная землей, хотя бы и райской.

Ибо Тогда и Там было возникновение – но не осуществление возможностей; было намерение, божественное и всемогущее потому, что не начало еще воплощаться в деяние. Прежде зачатия – было благовещение...

Как не воспользоваться этим уроком? Не о плагиате говорю я – о методе. Ведь с чего все началось? С Начала, конечно. А что было вначале? Как мы уже знаем, Вступление. Вступление, но не самосильное, не самочинное, а Вступление к Чему-то. Обуздаем разнузданное осуществление, каким было Сотворение Бытия: применим к первой его лемме алгебру намеренно сдержанного Творения!

А именно: поделим целое на это Что-то. Тогда «Что-то» исчезнет, и в остатке мы получим Вступление, очищенное от дурных последствий, то есть от всякой угрозы Воплощения, – Вступление чисто интенциональное и в этом своем состоянии безгрешное. Это не мир, а всего лишь точка, лишённая измерений – и как раз потому всеобъемлющая. О том, как свести к ней литературу, скажем чуть позже. Сперва присмотримся к ее окружению – ибо она не анхорет-одиночка.

Все искусства пытаются ныне выполнить маневр спасения: всераскованность творчества стала его кошмаром, проклятием, бегством, ведь Искусство, подобно Универсуму, взрывается в пустоте, не встречая сопротивления, а значит, точки опоры. Коль скоро возможно все, это «все» ничего не стоит – и гонка оборачивается движением вспять: Искусства хотели бы вернуться к источнику, да не способны.

Живопись, страстно желая *границ*, вошла в самих живописцев, в их кожу, и вот художник выставляет на вернисаже себя самого, без картин, – в качестве картиноборца, исхлестанного кистями и вываленного в масле и в темпера, а то и вовсе голого, без живописных приправ. Увы, до подлинной наготы бедняге далеко, как до неба: вместо Адама – какой-то господин, догола раздетый.

А скульптор, подсовывающий нам необтесанные булыжники или одухотворяющий нас экспозицией из случайного мусора, пытается забраться обратно в палеолит, в шкуру прачеловека, потому что тоскует по Подлинности! Но куда ему до пещерного человека! Нет, не видать ему сырого мяса первобытной экспрессии! *Naturalia non sunt turpia*² – но откровенная и скудоумная дикость не означает возврата к Природе!

Что остается? Поясним на примере музыки, поскольку обширнейшие и ближайшие перспективы открываются как раз перед ней.

По ложному пути идут композиторы, ломая контрапункту хребет и компьютерами пуская Бахов в распыл; да и оттаптывание (при помощи электронов) кошачьих хвостов со стократным усилением не даст ничего, кроме стада искусственных обезьян-ревунов. Ложный курс – и фальшивый тон! Еще не пришел спаситель-новатор, ясно видящий цель!

Я жду его с нетерпением – жду его музыки, которая будет *конкретной в преодолении лжи*, вернется на лоно Природы и запечатлеет хоральное, хотя и сугубо приватное, звучание любого собрания меломанов – лишь по видимости благородно-сосредоточенных, лишь окультуренной периферией своих организмов прилежно внимающих оркестру.

Думаю, инструментовка этой стомикрофонно подслушанной симфонии будет кишечносумрачной и монотонной, ведь ее звуковым фоном станут усиленные Двенадцатиперстные Басы, или Борборигмы, людей, иступленно предающихся чревоборчеству – неизбежному, исконно-бурчливому, булькотливо подробному и исполненному отчаянной переваривающей экспрессии; не органным, но организменным, а значит, подлинным будет голос их чрева – голос жизни! Я предвижу: лейтмотив разовьется в могучем ритме седалищ, подчеркнутым поскрипываньем стульев, грянут всхлипывающие вступления сморканий, аккорды высококолоратурного кашля. Заиграют бронхиты... и здесь я предчувствую повторяющееся соло, виртуозное в своей астматической дряхлости, сущее *memento mori – vivace ma non troppo*³, мастерское атональное пикколо, когда настоящий труп закладает на 3/4, отбивая такт искусственной челюстью, и взаправдашняя могила смертным хрипом отзовется в дыхательном горле; так вот: такую Правду Симфонического Прохода и Тракта, Столь Безусловно Жизненную, подделать нельзя.

Соматическая активность тел, которую до сих пор заглушала невероятная фальшь искусственной музыки, безразличной к их собственному, безусловно заданному и потому трагическому звучанию, требует торжественного восстановления в правах, Возврата к Природе. Я

² Естественное не постыдно (*лат.*).

³ Помни о смерти (*лат.*) – живо, не слишком быстро (*ит.*).

не могу ошибаться – я знаю: премьеры Висцеральной Симфонии окажется переломом; так и только так доселе пассивная, приглушенная до шуршания конфетных оберток публика перехватит – наконец-то! – инициативу и в роли самооркестра исполнит *возвращенье к себе*, непримиримая ко всяческой лжи, как и положено в нашем веке.

Творец-композитор снова станет всего лишь жрецом-посредником между робеющей толпой и Мойрой – ибо жребий наших кишок есть наше Предназначение...

А утонченная аудитория меломанов услышит самосимфонию без всяких помех, без постороннего брэнчания, потому что на этой премьеры она будет наслаждаться – и будет тревожиться – только *самою собой*.

А как же литература? Вы, верно, уже догадываетесь: я хочу вернуть вам ваш собственный дух во всей его полноте, подобно тому как висцеральная музыка возвращает публике ее собственное тело и в самом средоточии Цивилизации нисходит в Природу.

Потому-то Писание Предисловий не может долее оставаться под игом рабства, в стороне от освободительных устремлений. Не одних только беллетристов и их читателей подбиваю я к мятежу. Я подчеркиваю: к мятежу, а не ко всеобщей неразберихе, при которой науськанные театральные зрители влезают на сцену либо сцена влезает на них, и из убежища зрительских кресел они, утратив удобную позицию судей, ввергаются в церковь святого Витта. Не судороги, не полоумная мимикрия йоги, но одна лишь Мысль может вернуть нам свободу. И потому, отказав мне в праве на освободительную борьбу от имени и ради блага Предисловий, ты, почтенный Читатель, приговорил бы себя к ретроградству, к окаменевшей старозаветности, и какую бы ты себе бороду ни отпустил – не пройти тебе в современность.

Ты же, многоопытный в предвосхищении Нового, Читатель-Прогрессист с мгновенной реакцией, свободно вибрирующий в Модопадах нашей эры, ты, знающий, что раз уж мы залезли выше, чем наш обезьяний пракузен (как-никак, на саму Луну), то надо лезть дальше, – ты поймешь меня и присоедишься ко мне с чувством исполненного долга.

Я тебя обману, и как раз за это ты будешь мне благодарен; я тебе торжественно поклянусь, не собираясь сдерживать обещание, и именно этим ты будешь удовлетворен или хотя бы прикинешься удовлетворенным с мастерством, достойным этой игры; а тупицам, которые вздумали бы предать нас обоим анафеме, скажешь, что они отъединились от эпохи духовно и скатились на свалку старья, выплюнутого стремительной Действительностью.

Ты скажешь им, что выбора нет: векселем без покрытия (трансцендентального), залогом (фальсифицированным), обещанием (неисполнимым), высшей формой духовной тревоги стало ныне искусство.

А значит, эту его пустоту и эту неисполнимость надо сделать девизом и опорой; стало быть, я, пишущий Предисловие к Малой Антологии Предисловий, поступаю совершенно законно, предлагая введения, никуда не ведущие, вступления, никуда не вступающие, и предисловия, после которых никаких слов не будет.

Но каждым из этих первых шагов я открою перед тобой пустоту иного рода и иного смыслового оттенка, переливающуюся одной из полос поистине хайдеггеровских спектров. Я с увлечением, надеждой и с помпой буду распахивать дверцы триптихов и алтарей, обещать иконостасы и царские врата, преклонять колени на ступенях, обрывающихся на пороге подпространства не просто опустевшего, а такого, в котором никогда ничего не было – и не будет. Ах, развлечение это, самое серьезное из возможных, почти трагическое, есть иносказание нашей судьбы, ибо нет другого изобретения, до такой степени человеческого, другого такого атрибута и оплота человеческой сущности, как полнозвучное, освобожденное от обязательств, поглощающее наши естества без остатка – Предисловие к Небытию.

Весь мир, зеленый и каменный, остывший и гудящий, пламенеющий в облаках и упрянтанный в звездах, мы делим с животными и растениями. Небытие же – исключительно наше владение и наша специальность. Но это такая трудная, небывалая, ибо небывшая вещь, кото-

рую нельзя вкусить без тщательной подготовки, духовных упражнений, без долголетнего учения и тренировки; неподготовленных оно обращает в соляной столп, поэтому к общению с точно настроенным, богато оркестрованным небытием надо усердно готовиться – стараясь, чтобы каждый шаг на пути к нему был возможно более тяжелым, отчетливым и материальным.

И потому я буду показывать тебе Предисловия, как показывают богатые дверные оклады, резные, златокованные, увенчанные грифонами и геометрическими графами, буду клясться их золотой, звучно-массивной, обращенной к нам стороной, чтобы затем, распахнув их сосредоточенным духовным прикосновением, ввергнуть читающего в небытие – и тем самым извергнуть его сразу изо всех существований и миров.

Чудесную свободу я предвещаю и гарантирую, ручаясь, что Там ничего не будет.

Что обрету я? Бытие, богаче которого нет: до Сотворения.

Что обретешь ты? Свободу, полнее которой нет, – ибо я ни единым словом не потревожу твой слух в этом чистом взлете. Я лишь возьму его у тебя, как берет голубятник голубя, и зашвырну в безбрежность – словно камень Давидов, словно яблоко раздора – на вечное употребление.

Цезарий Стшибиш. Некробии

Cezary
Strzybisz
NEKROBIE

139 reprodukcji

Wstęp
Stanisław Estel

Wydawnictwo Zodiak

Предисловие⁴

Несколько лет назад художники ухватились за смерть, как за спасение. Вооружившись анатомическими и гистологическими атласами, они принялись выпускать кишки обнаженной натуре и рыться в печенках, вываливая на полотна замордованное уродство наших жалких потрохов, в обыденной жизни столь разумно прикрытых кожей. И что же? Концерты, с которыми по вернисажам прогастролировало гниение всех цветов радуги, не стали сенсацией. Это было бы чем-то разнузданным, если бы хоть кого-нибудь покорило, и чем-то кошмарным, если бы хоть кто-нибудь задрожал, – и что же? Не возмутились даже старые тетушки. Мидас превращал в золото все, чего ни касался, а нынешнее искусство, отмеченное проклятием противоположного знака, одним прикосновением кисти лишает серьезности всякий предмет. Как утопающий, оно хватается буквально за все – и вместе со схваченным идет ко дну на глазах у спокойно скупающих зрителей.

За все? Стало быть, и за смерть? Почему не задело нас ее вывернутое наизнанку величие? Разве эти увеличенные иллюстрации из пособий по судебной медицине, густо замалеванные кроваво-красным, не должны были заставить нас хоть на минуту задуматься – своей чудовищностью?

Но они были слишком натужны... и потому бессильны! Сам замысел напугать взрослых оказался ребяческим, вот ничего и не получалось всерьез! Вместо *memento mori* нам предъявили старательно вздохмаченные трупы – тайна могил, раскопанных чересчур нарочито, обернулась склизкой клоакой. Не тронула никого эта смерть – слишком она была напоказ! Бедняги художники, которые, забросив натуру, начали эскалацию Гран-гиньоля⁵, сами оставили себя в дураках.

Но после такого конфуза, такого фиаско смерти – что, собственно, нового сделал Стшибиш, чтобы вернуть смерти ее значительность? И что такое его «Некробии»? Ведь это не живопись – Стшибиш не пишет красками и, кажется, в жизни не держал кисти в руках. Это не графика, потому что он не рисует; не занимается он резьбой по металлу или по дереву и не ваяет – он всего лишь фотограф. Правда, особенный: он использует рентген вместо света.

Он – анатом; своим глазом, продолженным рыльцами рентгеновских аппаратов, он прошивает тела навывлет. Но обычные черно-белые медицинские снимки, конечно, оставили бы нас равнодушными. Вот почему он оживил обнаженную до костей натуру. Вот почему его скелеты ступают таким энергичным шагом – в регланах, словно в одеянии смертников, с призраками портфелей в руках. Снимки достаточно ехидные и диковинные – верно, но не более того; однако этими моментальными фото он лишь примеривался, пробовал – как бы на ощупь. Шум поднялся, только когда он отважился на нечто ужасное (хотя ничего ужасного уже не должно было быть): он просветил навывлет – и показал нам таким – секс.

Это собрание работ Стшибиша открывают его «Порнограммы» – поистине комические, только комизм их довольно жесток. Свинцовые бленды своих объективов Стшибиш нацелил на самый назойливый, разнузданный, обнаглевший – групповой секс. Писали, что, дескать, он хотел осмеять порнографию, разобрал ее буквально по косточкам, и достиг своего: невинная перепутанность этих костей, друг в друга вцепившихся, сложенных в геометрические загадки, на глазах у зрителя внезапно – и грозно – превращается в современный Totentanz⁶, в нерест подпрыгивающих скелетов. Писали, что он решил оконфузить, вышутить секс – и что это ему удалось.

⁴ © Перевод К. Душенко, 2010.

⁵ Здесь: театр ужасов (*фр.*).

⁶ Пляска смерти (*нем.*).

Так ли? Да, несомненно... но в «Некробиях» можно увидеть и нечто большее. Карикатуру? Не только – в «Порнограммах» есть какая-то скрытая серьезность. Пожалуй, прежде всего потому, что Стшибиш «говорит правду» – и притом одну только правду, а ведь правда, не подвергнутая «художественной деформации», считается ныне чем-то простоватым; но тут он не более чем свидетель, то есть понижающий, но не переиначивающий взгляд. Укрыться от этого свидетельства негде, его не отвергнешь, как выдумку, трюк, условность, игру понорошку, потому что правота на его стороне. Карикатура? Язвительность? Но ведь эти скелеты, их абстрактный рисунок – почти красивы. Стшибиш действовал со знанием дела: не столько оголил то, что есть, содрал с костей телесную оболочку, сколько освободил их – честно ища их собственный, *нам* уже не адресованный смысл. Выстраивая их собственную геометрию, он дал им суверенность.

Эти скелеты живут, хотелось бы сказать, по-своему. Он даровал им свободу посредством испарения тел, то есть посредством смерти, а между тем тела играют в «Некробиях» важную роль, хотя замечается это не сразу. Тут не место вдаваться в детали рентгеновской техники, но несколько слов пояснения необходимы. Если бы Стшибиш использовал жесткое X-излучение, на его снимках мы бы увидели одни только кости – в виде резко прочерченных полос или прутьев, расчлененных, словно разрезами, чернотой суставных щелей. Слишком чистой, слишком препарированной была бы эта остеологическая абстракция. Но Стшибиш поступает иначе, и человеческие тела, просвеченные *мягким* излучением, проступают у него молочной, клубящейся дымкой – как намек, как аллюзия; этим достигается нужный эффект. Видимость и реальность меняются местами. Средневековый, гольбейновский Totentanz, продолжающийся в нас втихомолку, недвижимый, все тот же, не затронутый суматохой блистающей цивилизации, сращение смерти с жизнью – вот что схватывает Стшибиш, как будто не догадываясь о том, как будто случайно. Мы узнаем тот же веселый задор, ту же молодцеватость, жизнерадостность и фривольное исступление, которыми наделил свои скелеты Гольбейн; но только аккорд значительный, который берет современный художник, шире, потому что самую *современную* технику он нацелил на самую *древнюю* задачу человеческого рода; именно так выглядит смерть посреди жизни, именно такова просвеченная до самых костей механика размножения рода, которой лишь ассистируют бледные призраки тел.

Нам скажут: хорошо, допустим, и такую можно тут найти философию; но ведь Стшибиш намеренно пошел до конца: копулирующих сделал трупами, уцепился за *модную* тему, эффектно и ради эффекта, – не дешево ли это? Нет ли в «Порнограммах» ловкости рук? А то и просто мошенничества? Таких суждений тоже хватает. Мне не хотелось бы выкатывать против них гаубицы тяжелой риторики. Я предпочел бы внимательнее присмотреться к двадцать второй порнограмме, названной «Триолеты».

Это непристойная сцена, но ее непристойность особого рода. Если положить рядом обычный снимок тех же самых людей – продукцию коммерческой порнографии, ее невинность на фоне рентгенограммы обнаружится сразу.

Ведь порнография непристойна не сама по себе: она возбуждает лишь до тех пор, пока в зрителе продолжается борьба вожделения с ангелом культуры. Но когда этого ангела черти уносят, когда, по причине всеобщей терпимости, обнажается слабость полового запрета – и его совершенная незащитность, когда запреты выбрасываются на свалку, – до чего же быстро обнаруживает тогда порнография свою невинность, то есть напрасность, ведь она – ложное обещание телесного рая, залог того, чему никогда не сбыться. Это запретный плод, и соблазна в нем столько же, сколько силы в запрете.

Ибо что мы наблюдаем? Взгляд, охладевший от привычки, видит голышей, которые не жалеют сил, лезут из кожи вон, чтобы выполнить поставленную в фотоателье задачу, – до чего же убогое зрелище! Не столько смущение, сколько чувство оскорбленной человеческой солидарности пробуждается в смотрящем, ведь эти голыши так усердно друг по дружке елозят,

что уподобляются детям, которым непременно хочется сделать что-то ужасное, такое, чтобы у взрослых зрачки побелели, но на самом-то деле они не могут, просто не в состоянии... и их изобретательность, раззадоренная уже только злостью на собственное бессилие, устремляется – нет, не ко Греху и Падению, но всего лишь к дурашливо-жалкой мерзости. Вот отчего в натужных стараниях этих крупных голых млекопитающих проглядывает банальная инфантильность; это не ад и не рай, но какая-то тепловатая сфера – сфера скуки и тяжелой, скверно оплачиваемой, напрасной работы...

Но секс Стшибиша хищен, потому что чудовищен и смешон, как те толпы проклятых, что низвергаются в преисподнюю на картинах старых голландцев и итальянцев; Впрочем, на грешников, кувырком летящих на Страшный суд, мы, упразднившие тот свет, можем смотреть отстраненно, – но что мы можем противопоставить рентгенограмме? Трагически смешны скелеты, сошедшиеся в клинче, в котором тела служат непреодолимой преградой. Кости? Но в неуклюжем, иступленном объятии мы видим как раз людей, и это зрелище было бы только жалким, если б не его кошмарный комизм. Откуда он? Да из нас же – ибо мы узнаем в нем правду. Вместе с телесностью исчезает и смысл объятий, оттого они так бесплодны, абстрактны и до ужаса *деловиты*, плавают так леденяще и бело, так безнадежны!

А еще есть их святость, или насмешка над нею, или намек на нее, – святость, не приделанная задним числом, какими-то ухищрениями, но несомненная, ибо гало окружает тут каждую голову: это волосы вздымаются нимбом, бледным и круглым, как на иконе.

Впрочем, я знаю, как трудно распутать и назвать по имени все то, что создает целостность зрительского впечатления. Для одних это в буквальном смысле *Holbein redivivus*⁷: и впрямь, необычен возврат – через электромагнитное излучение – к скелетам, словно мы возвращаемся в Средневековье, укрытое в наших телах. Других шокируют призрачные тела, которые, словно бессильные духи, вынужденно ассистируют нелегкой акробатике пола, превращенного в невидимку. Кто-то еще уподобил скелеты инструментам, которые вынули из футляра, чтобы исполнить обряд посвящения в какую-то тайну, – говорили даже о «математике», о «геометрии» мертвого секса.

Все это возможно; но отвлеченные толкования не объясняют грусть, которую пробуждает в нас искусство Стшибиша. Символика, взраставшая столетиями и унаследованная от столетий, хотя и влачила потаенное существование – потому что мы от нее отrekliсь, – не погибла, как видим. Эту символику мы переделали в сигнализацию (череп с костями на столбах высокого напряжения, на бутылках с ядом в аптеках) и в наглядные пособия (скелеты в учебных аудиториях, скрепленные блестящей проволокой). Словом, мы обрекли ее на Исход, изгнали из жизни, но окончательно от нее не избавились. А так как мы не способны осязательную материальность скелета, этого подобия сучьев и балок, отделить от идеи скелета как метафоры судьбы, то есть символа, – наш ум приходит в непонятное замешательство, от которого он спасается смехом. И все же мы понимаем, что веселость эта отчасти вынужденная: мы заслоняемся ею, чтобы не поддаться Стшибишу целиком.

Эротика как безысходная напрасность стремлений и секс как упражнение в проективной геометрии – вот два противостоящих друг другу полюса «Порнограмм». Впрочем, я не согласен с теми, для кого искусство Стшибиша начинается и кончается «порнограммами». Если бы мне предложили выбрать акт, который я оцениваю особенно высоко, я без колебаний выбрал бы «Беременную» (стр. 128). Будущая мать с замкнутым в ее лоне ребенком – этот скелет в скелете в достаточной мере жесток и абсолютно не лжив. В большое, крупное тело, белыми крыльями раскинувшее тазовую кость (рентген улавливает предназначение пола отчетливее, чем обычное изображение обнаженной натуры), на фоне этих крыльев, уже раздвинутых для родов, – с повернутой головой, мглистый, потому что еще не доконченный, втиснут детский

⁷ Воскресший Гольбейн (*лат.*).

скелетик. Как неуклюже это звучит – и какое достойное целое образуют светотени рентгенограммы! Беременная в расцвете лет – и в расцвете смерти; плод, еще не рожденный и уже умирающий – потому что уже зачатый. Спокойный вызов и жизнеутверждающая решимость ощущаются в этой тайно подсмотренной нами картине.

Что ожидает нас через год? О «Некробиях» забудут и думать; воцарятся новые техники и новые моды (бедный Стшибиш – после успеха сколько у него нашлось подражателей!). Разве не так? Да, конечно; тут ничего не поделаешь. Но как ни оглушительна калейдоскоп перемен, обрекающий нас на неустанные отречения и расставания, – сегодня мы щедро вознаграждены. Стшибиш не стал вторгаться в глубь материи, в ткань мхов или папоротников, не увлекся экзотикой бесцельных шедевров Природы, не вдался в расследования, манией которых наука заразила искусство, но подвел нас к самому краю наших тел, ни на йоту не переименованных, не преувеличенных, не измененных – подлинных! – и тем самым перебросил мосты из современности в прошлое, воскресил утраченную искусством серьезность; и не его вина, что воскресение это дольше двух-трех мгновений длиться не может.

Реджинальд Гулливер. Эрунтика

ERUNTYKA

Reginald Gulliver

George Allen & Unwin LTD
40 Museum Street/London

Предисловие⁸

Самой верной моделью нашей культуры историки, вероятно, признают два взаимопроникающих взрыва. Лавины интеллектуальных продуктов, механически выбрасываемых на рынок, сталкиваются с потребителями так же случайно, как молекулы газа: никто не в состоянии объять целиком эти несметные толпы товаров. И хотя затеряться легче всего в толпе, бизнесмены от культуры, публикующие все, что предлагают им авторы, пребывают в блаженном, хотя и ложном убеждении, что теперь-то уж ничего ценного не пропадает. Новую книгу замечают постольку, поскольку так решит компетентный эксперт, устраняющий из поля своего зрения все, что не относится к его специальности. Это устранение – защитный рефлекс любого эксперта: будь он менее категоричен, его захлестнул бы бумажный потоп. Но в результате всему совершенно новому, опрокидывающему правила классификации, угрожает бесхозность, означающая гражданскую смерть. Книга, которую я представляю читателю, как раз и находится на ничейной земле. Возможно, это плод безумия – безумия, вооруженного точными методами; возможно, перед нами логичное с виду коварство, – но тогда оно недостаточно коварно, поскольку не раскупается. Рассудок на пару с поспешностью велит замалчивать такую диковину, но в книге, как ни скучно изложение, проглядывает неподдельный еретический дух, привлекающий внимание. Библиографы отнесли ее к научной фантастике, а эта провинция давно уже стала свалкой всевозможных курьезов и вздора, изгнанного из более почтенных сфер. Если б сегодня Платон издал свое «Государство», а Дарвин – «О происхождении видов», то, снабженные этикеткой «Фантастика», они попали бы в разряд бульварного чтива – и, читаемые всеми и потому не замечаемые никем, потонули бы в сенсационной трескотне, никак не повлияв на развитие мысли.

Книга посвящена бактериям – но ни один бактериолог не примет ее всерьез. Речь в ней идет и о лингвистике – от которой волосы встанут дыбом у всякого языковеда. Наконец, она приходит к футурологии, идущей вразрез со всем тем, чем занимаются профессиональные футурологи. Вот потому-то ей, как изгою всех научных дисциплин, и суждено опуститься до уровня научной фантастики и играть ее роль, впрочем не рассчитывая на читателей: ведь в ней не найдешь ничего, что утоляло бы жажду приключений.

Я не способен по-настоящему оценить «Эрунтику», но полагаю, что автора, достаточно компетентного, чтобы написать предисловие к ней, просто не существует. Итак, я узурпирую эту роль не без тревоги: кто знает, сколько правды кроется в дерзости, зашедшей так далеко! При беглом просмотре книга кажется научным пособием, на самом же деле это собрание курьезов. Она не претендует на лавры литературной фантазии, потому что лишена художественной композиции. Если написанное в ней – правда, то эта правда не оставляет почти ничего от всей современной науки. Если это ложь – то чудовищного масштаба.

Как объясняет автор, эрунтика («Die Erunti-zitdtslehre», «Eruntics», «Eruntique»; название образовано от *erunt* – «будут» – третье лицо множественного числа будущего времени глагола *esse*) задумывалась отнюдь не как разновидность прогностики или футурологии.

Эрунтике нельзя научиться: никто не знает принципов ее действия. Нельзя с ее помощью предвидеть то, что вам хотелось бы. Это вовсе не «тайное знание» вроде астрологии или дианетики, но естественно-научной ортодоксией ее тоже не назовешь. Словом, перед нами и впрямь нечто обреченное на титул «изгнанницы всех миров».

В первой главе Р. Гулливер отрекомендовывается как философ-дилетант и бактериолог-любитель, который однажды – восемнадцать лет назад – решил научить бактерии английскому языку. Замысел родился случайно. В тот памятный день он доставал из термостата

⁸ © Перевод К. Душенко, 2010.

чашечки Петри – плоские стеклянные сосудики, в которых на агаровой пленке разводят бактерии *in vitro*⁹. До этого, как он сам говорит, бактериологией он занимался для собственного удовольствия, из увлечения, без особых претензий и надежд на какие-либо открытия. Просто ему нравилось наблюдать за ростом микроорганизмов на агаровом субстрате; его поражала «сметливость» невидимых «растеньиц», образующих на мутноватой питательной пленке колонии размером с булавочную головку. Чтобы определить эффективность бактерицидных средств, их наносят на агар пипеткой или тампоном; там, где они проявляют свое действие, агар освобождается от бактериального налета. Как иногда делают лаборанты, Р. Гулливер, смочив тампон в антибиотике, написал им на ровной поверхности агара «Yes». На другой день эта незримая надпись проступила: интенсивно размножаясь, бактерии усеяли бугорками колоний весь агар, за исключением следа, который оставил тампон, заменивший перо. Тогда-то, утверждает автор, ему и пришло на ум, что этот процесс можно «перевернуть».

Надпись стала видимой, потому что была свободна от бактерий. Но если б микробы сами сложились в буквы, значит, они писали бы – то есть изъяснялись бы средствами языка. Идея была заманчивая, но вместе с тем, признает автор, совершенно абсурдная. Ведь это он написал на агаре «Yes», а бактерии лишь «проявили» надпись, потому что не могли размножаться в ее пределах. Но сумасшедшая мысль уже не покидала его. На восьмой день он принялся за работу.

Бактерии стопроцентно без-думны, а значит, и без-разумны. Однако место, занимаемое ими в Природе, вынуждает их быть превосходными химиками. Болезнетворные микробы уже сотни миллионов лет назад научились преодолевать телесные преграды и защитные силы организма животных. Оно и понятно: ведь они испокон веку ничего другого не делали, так что имели достаточно времени, чтобы при помощи агрессивных, хотя и слепых, уловок своего химизма проникнуть за белковые укрепления, которыми, словно панцирем, окружают себя крупные организмы. А когда на арене истории появился человек, они напали и на него и на протяжении десяти с лишним тысяч лет существования цивилизации нанесли ему громадный урон, вплоть до гибели целых популяций во время больших эпидемий. Лишь неполных восемь десятилетий назад человек перешел в контратаку и обрушил на бактерии целые полчища боевых средств – избирательных синтезируемых ядов. За это очень короткое время он изготовил более сорока восьми тысяч видов противобактерийного химического оружия, синтезируемого с таким расчетом, чтобы оно поражало самые чувствительные, самые невралгические точки обмена веществ, роста и размножения противника. Он действовал так в убеждении, что вскоре сметет микробов с лица земли, но с удивлением обнаружил, что, сдерживая экспансию микробов, то есть эпидемии, он ни одну болезнь не одолел окончательно. Бактерии оказались противником, вооруженным лучше, чем представлялось создателям избирательной химиотерапии. Какие бы новые препараты из реторт ни пускал в ход человек, они, принося гекатомбы жертв в этом, казалось бы, неравном бою, вскоре приспособляют яды к себе или себя к ядам, приобретая невосприимчивость к ним.

Науке неизвестно доподлинно, как они это делают, а то, что ей известно, выглядит крайне неправдоподобно. Бактерии, ясное дело, не располагают познаниями в теории химии или иммунологии. Им не дано проводить научные опыты и военные советы; они не способны предвидеть, какое оружие обрушит на них человек завтра, – и все же выходят с честью из этого труднейшего с военной точки зрения положения. Чем больше знаний и умений приобретает медицина, тем меньше она возлагает надежд на полное очищение земли от болезнетворных микробов. Конечно: упорная жизнестойкость бактерий – результат их изменчивости. Но какую бы тактику ни использовали бактерии, чтобы выжить, – ясно, что действуют они бессознательно, как микроскопические химические устройства. Новые штаммы своей сопротивляемостью обязаны лишь генетическим мутациям, которые, вообще говоря, случайны. Если бы речь

⁹ В пробирке (*лат.*).

шла о человеке, этому соответствовала бы примерно такая картина: неведомый враг, используя неведомые запасы знаний, создает неведомые смертоносные средства и целыми тучами мечет их в человека; мы же, погибая во множестве, в отчаянных поисках противоядия признаем лучшей оборонительной стратегией доставание из шляпы страниц, вырванных из химической энциклопедии. Возможно, на одной из них мы и отыщем формулу спасительного противоядия. Но следует полагать, что скорее мы погибли бы все без остатка, чем добились бы своего – таким лотерейным методом.

И все же он дает результаты, когда его применяют бактерии. Между тем совершенно немыслимо, чтобы в их генетический код были прозорливо вписаны структуры всех смертоносных химических тел. Таких соединений больше, чем звезд и атомов в целой Вселенной. Впрочем, убогий аппарат бактериальной наследственности не вместил бы даже информацию о тех 48 000 средствах, которые человек уже использовал в борьбе с возбудителями болезней. Так что одно несомненно: химические познания бактерий, хотя и чисто «практические», по-прежнему превосходят огромные теоретические познания человека.

Но раз так, раз бактерии настолько универсальны, почему бы не использовать их для совершенно новых целей? При объективном взгляде на вещи ясно, что написать пару слов по-английски куда проще, чем разработать несчетные тактики защиты от несчетных отрав и ядов. Ведь за этими ядами стоит громада современной науки, библиотеки, лаборатории, мудрецы со своими компьютерами – и вся эта мощь пасует перед невидимыми «растеньицами»! И так, дело лишь в том, как принудить бактерии к изучению английского языка, как сделать овладение речью обязательным условием выживания. Следует поставить их в ситуацию с двумя, и только двумя, выходами: либо учитесь писать, либо погибайте.

Р. Гулливер утверждает, что в принципе можно научить золотистый стафилококк или кишечную палочку (*Escherichia coli*) обычному письму, но этот путь неслыханно кропотлив и связан со множеством трудностей. Гораздо проще научить бактерии азбуке Морзе, состоящей из точек и тире, тем более что точки они уже ставят. Каждая колония – не что иное, как точка. Четыре точки, соприкасающиеся на одной оси, образуют тире. Что может быть проще?

Таковы были послышки и побуждения Р. Гулливера – с виду достаточно безумные, чтобы любой специалист, дочитав до этого места, зашвырнул его книжку в угол. Но мы-то с вами не специалисты и можем опять склониться над текстом. Р. Гулливер сперва решил обусловить выживание появлением на агаре коротких черточек. Вся трудность в том (говорит он во II главе), что не может быть речи о каком-либо обучении бактерий в том смысле слова, который применим к людям или даже к животным, способным вырабатывать условные рефлексы. У обучаемого нет нервной системы, нет конечностей, глаз, ушей, осязания – нет ничего, кроме поразительной скорости химических превращений. Они – его жизненный процесс, вот и все. Значит, именно этот процесс и надо заставить изучать каллиграфию – процесс, а не бактерии, ведь речь идет не об особах и даже не об особях: обучать нужно сам генетический код; за него-то и следует взяться, а вовсе не за отдельные организмы!

Бактерии не способны к разумному поведению, но благодаря коду, своему кормчему, могут приспособливаться к ситуациям, с которыми сталкиваются впервые в своей миллионной истории. Так что надо создать условия, в которых единственно возможной тактикой будет знаковое письмо, и посмотреть, справится ли код с этой задачей. Вся тяжесть задачи ложится на экспериментатора: он должен создать невиданные до сих пор в эволюции условия бактериального существования!

Следующие главы «Эрунтики» с описанием экспериментов невероятно скучны – педантичны, растянуты, заполнены фотограммами, таблицами, графиками, – и разобраться в них нелегко.

Эти двести шестьдесят страниц мы изложим вкратце. Начало было простым. На агаре имеется одинокая колония кишечной палочки (*E. coli*), в четыре раза меньше буквы «о». За

поведением этого серого пятнышка сверху следит оптическая головка, подключенная к компьютеру. Обычно колония разрастается по всем направлениям, в эксперименте же – только по одной оси; при отклонении от нее лазерный проектор ультрафиолетом убивает бактерии с «неправильным» поведением. Налицо ситуация, сходная с описанной выше, когда надпись на агаре появилась потому, что бактерии не могли развиваться на участках, смоченных антибиотиком. Вся разница в том, что теперь они могут жить лишь в пределах тире (тогда как раньше – лишь вне его). Автор повторил эксперимент 45 000 раз, используя две тысячи чашечек Петри и столько же датчиков, подключенных к компьютеру. Расходы были немалые, но времени потребовалось немного, ведь одно поколение бактерий живет каких-нибудь 10–12 минут. В двух чашечках (из двух тысяч) случилась мутация, приведшая к появлению нового штамма кишечной палочки (*E. coli orthogenes*¹⁰), который мог развиваться только черточками; эта новая разновидность покрывала агар пунктиром: –.

Развитие по одной оси, таким образом, стало наследуемым признаком бактерии-мутанта. Размножив этот штамм, Р. Гулливер получил еще одну тысячу чашечек с колониями, ставших полигоном для следующего этапа бактериальной орфографии. Получив штамм, размножившийся попеременными точками и тире (. –. –. –. –), он достиг предела данной стадии обучения.

Бактерии вели себя в соответствии с навязанными им условиями, но, разумеется, воспроизвели не письмо, а лишь его внешние элементы, лишённые какого бы то ни было смысла. В главах IX, X и XI рассказывается, как автор сделал следующий шаг, вернее, заставил сделать его *E. coli*.

Вот ход его рассуждений: следует поставить бактерии в такое положение, чтобы они вели себя неким специфическим образом и чтобы это поведение, на уровне их собственного существования чисто химическое, визуально оказалось знаками, о чем-то сигнализирующими.

В ходе четырех миллионов опытов Р. Гулливер размачивал, высушивал порошок, поджаривал, растворял, вымораживал, душил и истреблял посредством катализа миллиарды бактерий – пока наконец не получил штамм *E. coli*, который на угрозу для жизни реагировал выстраиванием своих колоний в три точки:

Буква «s» (три точки означают «s» в азбуке Морзе) символизировала «стресс», или угрозу жизни. Понятно, бактерии по-прежнему ничего не соображали, но спастись могли, только выстраивая свои колонии по этому образцу; тогда и только тогда подключенный к компьютеру датчик устранял смертоносный фактор (например, введенный в агар сильнодействующий яд, ультрафиолетовое излучение и т. д.). Бактерии, которые *не* выстраивались в три точки, гибли все до единой; на агаровом поле боя – и школьных занятий – остались лишь те, что посредством мутаций овладели необходимыми химическими навыками. Бактерии ничего не понимали... но сигнализировали о своем состоянии – состоянии «смертельной опасности», и теперь три точки действительно стали *знаком*, обозначающим ситуацию.

Р. Гулливер понимал, что может вывести штамм, передающий сигналы SOS, но счел этот этап совершенно излишним. Он пошел другим путем и научил бактерии *различать* сигналы по *видам* опасности. Так, например, свободный кислород, который для них смертоносен, штаммы *E. coli loquativa* 67 и *E. coli philographica* 213¹¹ могли устранить из своего окружения, только передавая сигнал: ... – («SO» – то есть «стресс, вызванный кислородом»).

Автор прибегает к эвфемизму, когда говорит, что получение штаммов, сигнализирующих о своих потребностях, оказалось «довольно-таки непростым делом». Выведение *E. coli numerativa*¹², которая сообщала, какая концентрация водородных ионов (pH) для нее предпо-

¹⁰ Кишечная палочка, направленно развитая (*лат.*).

¹¹ Кишечная палочка говорливая 67 (и)... письмолюбивая 213 (*лат.*).

¹² Кишечная палочка перечисляющая (*лат.*).

читательна, потребовало двух лет, а *Proteus calculans*¹³ начал выполнять простейшие арифметические действия еще после трех лет экспериментов. Он сумел сосчитать, что дважды два – четыре.

На следующей стадии Р. Гулливер расширил свою экспериментальную базу, обучив морзянке стрептококки и гонококки, но эти микробы оказались не слишком смысленными. Тогда он вернулся к кишечной палочке. Штамм 201 выделялся своей мутационной адаптивностью; он передавал все более длинные сообщения, как информирующие, так и постулативные: другими словами, бактерии сообщали не только о том, что их беспокоит, но и о том, какие компоненты питания им хотелось бы получить. По-прежнему следуя правилу сохранять лишь наиболее эффективно мутирующие штаммы, через одиннадцать лет он вывел штамм *E. coli elo-quentissima*¹⁴, который первым начал откликаться сам по себе, а не только под угрозой уничтожения. Как вспоминает автор, прекраснейшим днем его жизни был день, когда *E. coli eloquentissima* отреагировал на включение света в лаборатории словами «доброе утро» – составленными путем разрастания агаровых колоний в знаки морзянки...

Английской грамматикой в объеме «бейсик инглиш»¹⁵ первым овладел *Proteus orator mirabilis*¹⁶, тогда как *E. coli eloquentissima* даже в 21 000 поколении делал, увы, грамматические ошибки. С той минуты, как генный код усвоил правила грамматики, сигнализация морзянкой стала неотъемлемым проявлением его жизнедеятельности, и наконец микробы начали передавать развернутые сообщения. Поначалу они были не особенно интересны. Р. Гулливер хотел задавать бактериям наводящие вопросы, но двусторонняя связь оказалась невозможной. Причину фиаско он объясняет так: артикулируют не бактерии, но генетический код – *ими*, а код *не* наследует признаков, приобретаемых индивидуально. Код высказывается, но, передавая сообщения, сам никаких сообщений не в состоянии принять непосредственно. Это унаследованное поведение, закрепившееся в борьбе за существование; сообщения, которые передает генетический код, группируя колонии *coli* в виде знаков морзянки, правда, осмысленны, но вместе с тем без-разумны; для иллюстрации можно сослаться на хорошо известный способ реагирования бактерий: вырабатывая пенициллиназу, защищающую от воздействия пенициллина, они ведут себя осмысленно, но вместе с тем бессознательно. Так что разговорчивые штаммы Р. Гулливера не перестали быть «обычными бактериями», а заслугой экспериментатора было создание условий, наделивших красноречием наследственность штаммов-мутантов.

Итак, бактерии говорят, но к ним обратиться нельзя. Ограничение это не столь фатально, как кажется, ведь именно благодаря ему со временем обнаружилось особое лингвистическое свойство бактерий, положенное в основу эрунтики.

Р. Гулливер не ожидал его вовсе; оно открыто случайно, в ходе опытов, имевших целью выведение *E. coli roetica*¹⁷; короткие стишки, сложенные кишечной палочкой, были до крайности банальны и к тому же не годились для чтения вслух, ведь бактерии – по понятным причинам! – ничего не знают об английской фонетике. Так что они могли овладеть стихотворным размером, но не правилами рифмовки; кроме двустиший наподобие «Agar-agar is my love as were¹⁸ stated above»¹⁹, бактериальная поэзия ничего не создала. Как порою бывает, на помощь Гулливеру пришел случай. В поисках средств, стимулирующих красноречие, он изменял состав питательной среды, насыщая ее всевозможными препаратами (химический состав которых он, кстати сказать, скрывает). Результатом этого поначалу была пустопорожняя болтовня; и вот

¹³ Протей считающий (*лат.*).

¹⁴ Кишечная палочка красноречивейшая (*лат.*).

¹⁵ Сильно упрощенный английский язык.

¹⁶ Протей-оратор необыкновенный (*лат.*).

¹⁷ Кишечная палочка поэтическая (*лат.*).

¹⁸ Ошибка сделана бактериями. – *Примеч. автора предисловия.*

¹⁹ «Агар-агар – любовь моя, как были сказано выше» (*англ.*).

27 ноября *E. coli loquativa* после очередной мутации начал передавать сигналы тревоги, хотя ничто не указывало на наличие в агаре каких-то вредных для его здоровья соединений. Тем не менее на следующий день, спустя двадцать девять часов после сигнала тревоги, штукатурка над лабораторным столом отслоилась и, осыпавшись с потолка, уничтожила все чашечки Петри, находившиеся на столе. Сперва исследователь счел этот странный факт стечением обстоятельств, однако на всякий случай провел контрольный эксперимент, который показал, что бактерии обладают предчувствиями. Уже следующий штамм – *Gulliveria coli prophetica*²⁰ – неплохо предвидел будущее, то есть пытался адаптироваться к неблагоприятным изменениям, которые могли ему угрожать в течение ближайших суток. Автор считает, что он не открыл ничего абсолютно нового, а лишь случайно напал на след древнейшего механизма микробной наследственности, который позволяет успешно бороться с микробоистребляющими препаратами. Но до тех пор, пока бактерии оставались немymi, мы не знали, что такой механизм возможен.

Высшим достижением автора стало выведение *Gulliveria coli prophetissima* и *Proteus delphicus recte mirabilis*²¹ – штаммов, которые предвидят явления будущего, касающиеся не только их самих. Р. Гулливер предполагает, что природа этого феномена чисто физическая. Колонии бактерий группируются в точки и тире потому, что иначе уже размножаться не могут; о событиях будущего извещает не какая-то «палочка-Кассандра» или «пророк-стафилококк» – нет, это сочетания неких физических событий – в такой зачаточной, микроскопической форме, что мы их никак обнаружить не можем, – воздействуют на обмен веществ и, следовательно, на химизм штаммов-мутантов. Биохимическая деятельность *Gulliveria coli prophetissima* оказывается, таким образом, своего рода трансмиссией между разными интервалами пространства-времени. Бактерии являются сверхчувствительным приемником неких возможностей – и ничем больше. И хотя бактериальная футурология стала реальностью, объекты ее предвидений совершенно непредсказуемы, так как провидческой деятельностью бактерий нельзя управлять. Иногда *Proteus mirabilis* выводит морзянкой ряды цифр, и очень трудно установить, к чему они относятся. Однажды он с полугодовым опережением предсказал показания электросчетчика в лаборатории; в другой раз предрек, сколько котят родит соседская кошка. Бактериям – это очевидно – все равно что предсказывать; к информации, передаваемой азбукой Морзе, они относятся так же, как радиоприемник к радиосигналам. Можно еще как-то понять, почему они предсказывают события, затрагивающие их самих; но их чувствительность к прочим событиям остается загадкой. Растрескивание штукатурки на потолке они могли воспринять через изменение электростатических зарядов в помещении лаборатории или через какие-то другие физические явления. Но автор не знает, почему они сверх того передают сообщения, скажем, о состоянии мира после 2050 года.

Перед автором встала задача: как отличить бактериальную псевдологию, то есть безответственную болтовню, от настоящих предсказаний, и он решил ее остроумно и просто. А именно: он создал «параллельные прогностические батареи», назвав их бактериальными эрунторами. Такая батарея состоит по меньшей мере из шестидесяти профетических штаммов *coli* и протея. Если каждый из них болтает свое, сигнализацию следует признать не имеющей ценности. Но если сообщения передаются дружным хором, перед нами прогноз. Размещенные в особых термостатах, на особых чашечках Петри, бактерии передают морзянкой одинаковые или очень близкие тексты. На протяжении двух лет автор составил антологию бактериальной футурологии и ее презентацией увенчал свой труд.

Самые лучшие результаты он получил благодаря штаммам *E. coli bibliographica* и *telescognitiva*²². Они выделяют такие ферменты, как плюсквамперфектный футуразин и футу-

²⁰ Прорицающая Гулливерова палочка (лат.).

²¹ Прорицательнейшая Гулливерова палочка (и) дельфийский поистине чудесный протей (лат.).

²² Кишечная палочка библиографическая (и) познающая на расстоянии (лат.).

рогностический эксцитин. Под влиянием этих ферментов прогностические способности приобретают даже штаммы кишечной палочки, которые (как, например, *E. roetica*) ни на что, кроме сочинения слабых стишков, не пригодны. Однако в своих прорицаниях бактерии ограничены довольно узкими рамками. Во-первых, они не предсказывают никаких событий непосредственно, а лишь так, как если бы передавалось содержание публикаций, посвященных этим событиям. Во-вторых, они не способны надолго сосредоточиться. Их производительность – максимум пятнадцать машинописных страниц. И наконец, все тексты бактериальных авторов относятся к периоду между 2003 и 2089 годами.

Честно признавая, что тут возможны различные толкования, Р. Гулливер отдает предпочтение следующей гипотезе. Через пять-десять лет на месте его нынешнего дома возникнет городская библиотека. Бактерийный код ведет себя как устройство, которое вслепую блуждает по книгохранилищу, выбирая тома наудачу. Правда, этих томов еще нет, как нет и самой библиотеки, но Р. Гулливер, желая упрочить достоверность бактериальных предвидений, уже написал завещание, согласно которому городской совет как раз и должен устроить в его доме библиотеку. Нельзя утверждать, что он действовал по подсказке своих микробов, – скорее наоборот, это они предвидели содержание его завещания, прежде чем оно было составлено. Объяснить, откуда микробы узнали о несуществующих книгах несуществующей пока библиотеки, несколько труднее. На правильный след наводит нас то обстоятельство, что микробная футурология ограничивается вполне определенными фрагментами произведений, а именно предисловиями к ним. Похоже, что какой-то неизвестный фактор (излучение??) исследовал *закрытые* книги, как бы просвечивая их, а тогда, понятно, легче всего прозондировать содержание первых страниц. Эти объяснения довольно туманны. Впрочем, Гулливер признает, что между завтрашним отслоением штукатурки на потолке и размещением фраз на страницах томов, которые выйдут в свет через пятьдесят или через восемьдесят лет, разница довольно существенная. Но наш автор, сохраняя трезвомыслие до конца, не претендует на исключительное право толкования основ эрунтики; напротив, в заключительном слове он призывает читателей продолжить его дело.

«Эрунтика» опровергает не только бактериологию, но и всю совокупность наших знаний о мире. В настоящем предисловии мы не собираемся давать ей оценку и тем более – высказываться по поводу бактериальных пророчеств. Сколь бы ни казалась сомнительной ценность эрунтики, нельзя не признать, что среди предсказателей будущего не было еще таких смертельных врагов и вместе с тем неразлучных товарищей нашей судьбы, как микробы. Возможно, будет уместно добавить, что Р. Гулливера уже нет среди нас. Он умер всего через несколько месяцев после издания «Эрунтики», во время обучения новых адептов микробиологической словесности, а именно вибрионов холеры. Он рассчитывал на их способности, ведь по форме они – настоящие запятые, а значит, в родстве с хорошей стилистикой. Воздержимся от снисходительно-грустной улыбки при мысли о нелепости этой смерти; благодаря ей завещание вступило в законную силу и в фундамент библиотеки уже заложен краеугольный, а вместе с тем надгробный камень в честь того, в ком ныне мы видим лишь чудака. Но кто может знать, кем он окажется завтра?

История бит-литературы в пяти томах

Juan Rambellais · Jean-Marie Annax · Eino Illmainen
Stewart Allporte · Giuseppe Savarini · Yves Bonnecourt
Hermann Pöckelein · Alois Kuentrich · Roger Gatzky

HISTORIA LITERATURY BITYCZNEJ

w pięciu tomach

WYDANIE DRUGIE ROZSZERZONE
POD REDAKCJĄ PROF. DR J. RAMBELLAIS

Tom pierwszy

PRESSES UNIVERSITAIRES
PARIS 2009

Предисловие²³

1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ. Под бит-литературой мы понимаем любые тексты не-человеческого происхождения, то есть такие, *непосредственным* автором которых не был человек. (Зато он мог быть им *косвенно* – предприняв действия, побудившие непосредственного автора к творчеству.) Дисциплина, изучающая всю совокупность таких произведений, называется битистикой.

По сей день в ней не установилась единая точка зрения на границы изучаемого предмета. В этом главном вопросе сталкиваются два направления, или две школы, в обиходе именуемые битистикой Старого Света (или европейской) и Нового Света (или американской). Первая, следуя духу классической гуманистики, изучает тексты, а также условия (в том числе социальные) их возникновения, но не занимается функционально-конструктивными особенностями означенных авторов. Вторая, американская, школа к предмету битистики относит также анатомию и функциональные аспекты создателей изучаемых произведений.

Данная монография не ставит целью рассмотрение этой спорной проблемы – мы ограничимся лишь несколькими замечаниями. Молчание традиционной гуманистики по вопросу об «анатомии и физиологии» авторов есть следствие того очевидного факта, что все они – люди, и различия между ними суть различия между существами одного и того же вида. Для специалиста по романской литературе, указывает проф. Рамбле, было бы абсурдом начинать исследование с констатации того факта, что автором «Тристана и Изольды» или «Песни о Роланде» был многоклеточный организм, сухопутное позвоночное, живородящее, легочное, плацентарное, млекопитающее и т. д. Но не будет таким же абсурдом указать, что автор «Анти-Канта», ИЛЛИАК-164, – это семотопологический, многорядно-параллельный, субсветовой, исходно полиглотический компьютер 19-й бинастии, с сетевой обособленной памятью и рабочим монопольным типом УНИЛИНГ, с интеллектуальным потенциалом, достигающим в максимуме 10^{10} эпсилон-сем на миллиметр n -мерного конфигурационного пространства каналов связи. Эти данные объясняют некоторые конкретные особенности текстов, принадлежащих ИЛЛИАКУ-164. Тем не менее, продолжает проф. Рамбле, битистика *не обязана* заниматься именно этой, технической (по отношению к человеку мы сказали бы: зоологической) стороной бит-авторов, и причин тому две. Первая, практическая и менее важная, связана с тем, что учет анатомии требует необычайно обширных технических и математических знаний, в полном объеме недоступных даже специалисту по теории автоматов; и в самом деле, эксперт, специализирующийся в этой теории, свободно разбирается лишь в какой-то одной ее области, которой он себя посвятил. Невозможно требовать от специалистов по битистике – гуманитариев по образованию и научному методу – того, что даже профессионалам-интеллектуальщикам недоступно в полном объеме; поэтому максимализм американской школы вынуждает ее вести исследования большими смешанными коллективами, а это всегда дает плачевные результаты – никакой коллектив, никакой «хор» критиков не заменит по-настоящему одного критика, который охватывает изучаемый текст целиком.

Вторая, более важная и коренная, причина заключается попросту в том, что битистика, даже если ввести в нее «анатомическую поправку», оказывается беспомощной при анализе текстов «бит-апостазии» (о чем будет сказано ниже). Любые познания интеллектуальщиков недостаточны, чтобы точно понять, каким образом, почему и с какой целью создан данный текст – если его автор принадлежит к бинастии компьютеров с порядковым номером выше восемнадцати.

²³ © Перевод К. Душенко, 2010.

Этим аргументам американская битистика противопоставляет свои контраргументы; но, как мы уже говорили, наша монография не ставит целью ни подробное изложение этого спора, ни тем более его решение.

2. РАСПОЛОЖЕНИЕ МАТЕРИАЛА. Данная монография представляет собой попытку компромисса между вышеописанными подходами, но в целом она ближе к европейской школе. Это отражено в ее композиции: лишь первый том, написанный под редакцией проф. Анна при участии двадцати семи экспертов, специализирующихся в самых разных областях, посвящен техническим аспектам авторов-компьютеров. Открывается он введением в общую теорию конечных автоматов; далее рассматриваются сорок пять авторских систем, репрезентативных для бит-литературы, – как одиночных (сингулярных), так и коллективных («авторов-агрегатов»).

Впрочем, за исключением ссылок, которые в томах, посвященных собственно истории бит-литературы, помечены звездочками, изучение монографии *не* предполагает обязательного знакомства с первым томом.

Основная часть состоит из трех томов, озаглавленных соответственно «Гомотропия», «Интертропия» и «Гетеротропия», в согласии с общепринятой классификацией, диахронической и синхронической одновременно, – так как вышеназванные разделы битистики соответствуют в то же время основным периодам ее возникновения и развития. Общая схема труда приводится ниже.

Бит-литература

(согласно Оллпорту, Иллмайнену и Саварини)

I. ГОМОТРОПИЯ²⁴ (гомотропическая фаза; *cis-humana*; также: «моделирующая» или «антропомикрическая» фаза)

А. Зародышевая (эмбриональная, или долингвистическая) стадия:

Паралексика (неологenez)

Семолалия

Семаутика

В. Лингвистическая стадия (по Оллпорту – «понимающая»)

Интерполирующий мимезис

Экстраполирующий мимезис

Трансцендентный управляемый мимезис («выходящий за рамки программы»)

II. ИНТЕРТРОПИЯ (также: «Критическая фаза», «*Interreg-num*»²⁵)

²⁴ Раньше эта фаза называлась «моноэтической», или «моноэтикой». – *Примеч. автора предисловия.*

²⁵ Междуцарствие (*лат.*).

КРИТИКА СИСТЕМНОЙ ФИЛОСОФИИ

III. ГЕТЕРОТРОПИЯ (апостазия, фаза trans-humana)

В генетическом плане битистика возникла как равнодействующая по меньшей мере трех, в значительной степени независимых друг от друга процессов, а именно: преодоления т. н. барьера разумности, что было прежде всего делом конструкторов; затем – неожиданной для них и вовсе ими не проектировавшейся работы компьютерных систем (начиная с 17-й бинастии) в режиме авторегенерации («релаксационные простои»); наконец, отношений, которые постепенно складывались между машинами и людьми, как следствие «обоюдного интереса друг к другу и выявления взаимных возможностей и ограничений» (Ив Бонкур). Барьер разумности, который безуспешно штурмовала ранняя кибернетика, как мы уже точно знаем, есть не что иное, как фикция. Фикция в том – неожиданном – смысле, что момент его преодоления машинами уловить невозможно. Переход от «неразумных», работающих «чисто формально», «болтающих что попало» машин к машинам «разумным», проявляющим «insight»²⁶, «говорящим» – носит градационный, плавный характер. И хотя понятия «механически бездумного» и «суверенного» мышления сохранили свое значение, мы понимаем, что между ними нельзя провести сколько-нибудь отчетливую границу.

Релаксационное творчество машин было замечено и зафиксировано почти тридцать лет назад; дело в том, что новым моделям компьютеров (начиная с 15-й бинастии) по чисто техническим соображениям пришлось предоставлять периоды отдыха, во время которых их активность не замирала, но, освобожденная от жесткой программы, вырождалась в своего рода «бор-

²⁶ Понимание (англ.).

мотанье». По крайней мере, так толковали тогда эту вербальную или квазиматематическую продукцию; появилось даже обиходное определение – «машинные сны». Считалось, что активный отдых необходим машинам для регенерации, для восстановления нормальной, полной работоспособности, подобно тому как человеку необходима фаза сна, *вместе* с присущими ей сонными *мечтаниями* (видениями). Название «бит-продукция», как окрестили это «бормотанье» и эти «видения», носило, следовательно, уничижительный, пренебрежительный характер; считалось, что машины без ладу и складу перемалывают «биты всевозможной содержащейся в них информации» – и путем такой «беспорядочной перетасовки» восстанавливают частично утраченную работоспособность. Мы приняли это название, хотя его неадекватность бросается в глаза. Мы приняли его в соответствии с традицией любой научной терминологии: первый попавшийся термин – скажем, «термодинамика» – будет точно так же неадекватен, ведь современная термодинамика по своему объему не то же самое, чем она была для физиков, придумавших этот термин. Термодинамика занимается не только «тепловыми движениями» материи; и точно так же не о самих «битах», то есть единицах *несемантической* информации, идет речь, когда мы говорим о бит-литературе. Однако в науке вливание нового вина в старые мехи – дело обычное.

«Взаимное знакомство» машин и людей привело к разделению, все более явному, битистики на две главные области, которым соответствуют термины *creatio cis-humana* и *trans-humana*.

Первая включает в себя литературу, которая является *следствием* сосуществования машин и людей, то есть следствием того простого факта, что, привив машинам наш этнический язык и наши формальные языки, мы *сверх того* заставили их выполнять нашу умственную работу во всех сферах культуры и естествознания, равно как в дедуктивных дисциплинах (логика и математика). Такое бит-творчество (непосредственной причиной возникновения которого было приобщение не-человеческих авторов к типично человеческой проблематике в сфере познания и сфере искусства), в свою очередь, делится на две подобласти, выделяющиеся довольно отчетливо. Одно дело – языковой продукт, полученный благодаря сознательному управлению, которое, вслед за проф. Кёнтрихом, можно назвать «заказом» (то есть *прямым* наведением машин на избранный *нами* круг вопросов и тем), и совершенно другое – языковой продукт, который ни один человек не «заказывал». Конечно, он возникает под влиянием предшествующих стимулов (программирования), однако в результате совершенно спонтанной деятельности. Независимо от того, *непосредственно* или *опосредованно* возникли все эти тексты, – связь с типично человеческой проблематикой остается их существенной и даже главной приметой; поэтому обе их разновидности исследует битистика *cis-humana*.

И лишь предоставление машинам свободы творения – без всяких программ, приказов, стеснений и ограничений – привело к эмансипации их творчества (называемого «поздним») от антропоморфических и антропологических влияний. В ходе этой эволюции бит-словесность становилась все труднее для нас – ее потенциальных адресатов. Сегодня уже существуют области «за-человеческой» (в смысле – *trans-humana*) битистики, имеющие целью уразуметь (путем анализа, интерпретации, толкования) бит-тексты, в той или иной степени *непонятные* для человека.

Разумеется, можно попытаться использовать *одни* машины для истолкования результатов творчества *других* машин. Но количество промежуточных звеньев, необходимых для понимания бит-текстов, находящихся на крайних полюсах «апостазии» (то есть «отступничества» от наших форм творения, понимания и толкования чего бы то ни было), растет по мере возрастания сложности исследуемых текстов; эта сложность возрастает *по экспоненте*, не позволяя нам получить даже самое смутное представление о предельных проявлениях «апостазии». Человеческий род оказался совершенно беспомощным перед лицом словесности, которой люди, пусть косвенно, сами положили начало.

Вот почему приходится слышать, что ученые, дескать, оказались в положении ученика чародея, который вызвал к жизни силы, ему неподвластные. Это – голос отчаяния, но в науке нет места отчаянию. Вокруг бит-литературы уже выросла весьма обширная «про-» и «контр-бит-словесность». В этой последней нередки суждения, продиктованные ощущением безысходности; для нее характерно состояние горестного потрясения и вместе с тем изумления тем, что человек создал нечто переросшее его *духовно*.

Но следует совершенно определенно заявить, что битистика, будучи научной дисциплиной, *не может* служить трибуной высказывания такого рода взглядов, относящихся к философии природы, человека и плодов (в том числе нечеловеческих) его деятельности. Вслед за Роже Гацки мы полагаем, что у битистики не меньше, но и не больше оснований отчаиваться, чем, скажем, у космологии: ведь совершенно очевидно, что, независимо от того, как долго мы, люди, будем существовать и на какую помощь со стороны познающих машин сможем рассчитывать, Вселенную нам не исчерпать до конца, а значит, и не понять; но астрофизикам, космологам, космогонистам и в голову не приходит жаловаться на столь огорчительное положение дел.

Вся разница в том, что не мы – творцы Универсума, тогда как бит-творчество, через различные опосредования, есть, несомненно, дело наших рук. Но откуда, собственно, взялось убеждение, что человек совершенно спокойно может признавать неисчерпаемость Универсума и не может столь же спокойно и трезво признать неисчерпаемость того, что создано им самим?

3. ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ БИТИСТИКИ. Подробные объяснения и описания вместе с аннотированной библиографией предмета читатель найдет в соответствующих разделах монографии. Однако имеет смысл обозреть основные разделы битистики как бы с высоты птичьего полета; такое обозрение ни в коей мере не может *заменить* подробного изложения, но может служить чем-то вроде краткого путеводителя по сильно пересеченной и потому вряд ли обозримой с близкого расстояния местности. Спешим подчеркнуть, что рассматриваемые далее основные разделы битистики даются в сильном упрощении, нередко граничащем с искажением ее важнейших проблем.

Итак, имея в виду предваряющий характер нашего обзора, остановимся лишь на четырех «кульминациях» бит-литературы, а именно на **моноэтике, мимезисе, софокризии и апостазии**. Эти термины, собственно, уже устарели; в современной терминологии им примерно соответствуют: **гомотропия** (ее первая часть), **мимезис в собственном смысле, критика философии и сверхразумное** (выходящее за рамки нашего разума) **творчество**. Однако прежняя терминология обладала достоинством выразительности, а простота вступительных объяснений нам важнее всего.

А. Под «**моноэтикой**» Крив, Галбрансон и Фрадкин, причисляемые к создателям, «отцам» битистики, понимали самую раннюю стадию битизма. (Термин образован от слов «монос» – единичный и «поэзис» – творчество.) Моноэтика возникла в процессе обучения машин правилам словотворчества, совокупность которых определяет то, что некогда называли «духом» данного языка.

Язык, функционирующий реально и возникший исторически, правила словотворчества использует с очень сильными ограничениями; носители языка обычно этого не сознают. Появление машин, которым ограничения словотворчества *на практике* совсем неизвестны, позволило лучше увидеть возможности, мимо которых проходит речь в процессе своей эволюции. Проще всего это показать на примерах, взятых из второго тома нашей «Истории», главным образом из глав «Паралексика», «Семаутика» и «Семолалия».

а) Машины могут употреблять слова, существующие в языке, определяя их смысл иначе, чем это принято: «бездорожье» (дешевизна); «стриж» (парикмахер); «конец» (кентавр на посылках); «наколенник» (неверный вассал, посаженный на кол); «голография» (графство нудистов); «саркофаг» (мясоед); «сипень» (исполнение верхнего «си»); «стоматолог» (шахматист-сеансер).

б) Машины также создают неологизмы вдоль т. н. семантических осей; мы намеренно приводим примеры подобного творчества, не обязательно требующие пояснений:

«поседевка – потаскурва – общага – доступница»;

«глистоноша» (птица, кормящая птенцов);

«взубило – врубанок – помордник»;

«численок – двоичник – цифрант» (компьютер);

«висельчак» (пассажир фуникулера);

«гробоуказатель» (memento mori);

«душемойка» (чистилище);

«дракула» (рыба-пила)

и так далее.

Комический эффект здесь, разумеется, непреднамеренный. Все это – элементарные примеры, в которых, однако, видна черта, присущая бит-литературе и на более поздних стадиях ее развития (хотя там она далеко не столь заметна!). Все дело в том, что если для нас первичной и первой действительностью является реальный мир, то для них – *язык*. Компьютер, которому чужды были категории, навязываемые языку *культурой*, «считал», что «старая проститутка» – то же самое, что «поседевка», «потаскурва» и т. д. Отсюда же – типичные контаминации («конец» может служить классическим примером сплава значений и морфологического облика слов: тут сходятся «конь», «гонец» и «кентавр», играющий роль семантического цемента, – коль скоро конь не может быть посланцем, им будет полуконь-получеловек).

Компьютер на этом (лингвистически очень низком) уровне развития не знает ограничений в словотворчестве, и свойственная стратегии машинного мышления экономия выразительных средств, которая позже вызовет к жизни нелинейную дедукцию и понятия терафизики, названные «звездными», здесь проявляется как «предложение» уравнивать в правах лексемы, уже укорененные в языке, такие как «слово» или «дословный», с неологизмами «словопийца» (читатель), «словотяп» (графоман), «словоришка» (плагиатор), «словнюк» (грубиян) и т. д. На тех же основаниях лексический генератор предлагает слово «трилайбус» для обозначения эскимосской упряжки, а «дискоболь» – для обозначения страданий атлета, вызванных смещением позвоночного диска.

Приведенные выше произведения, состоящие из одного слова (по старой терминологии – моноэты), отчасти были результатом несовершенства программирования, а отчасти – сознательного умысла программистов, которых интересовала «словотворческая раскованность» машин; следует, однако, заметить, что многие из этих неологизмов лишь по видимости принадлежат машинам. Мы не уверены, например, в самом ли деле «автономия» назвал «самоуправством» какой-то компьютер или это шутка юмориста-человека.

Моноэтика – важная область, поскольку в ней мы видим черты машинного творчества, которые на следующих стадиях уходят из поля зрения. Это – предвратие битистики или даже ее предшколье; оно успокоительно действует на неофитов битистики, которые, приготовившись к встрече с текстами, сжатыми до полной заумности, с облегчением видят нечто столь невинное и забавное. Но ненадолго хватает их удовлетворенности! Непреднамеренный комизм моноэтов возникает из-за коллизии между понятийными категориями, для нас совершенно несочетаемыми; если дополнить программы «категориальными правилами», мы окажемся в следующей области битистики (некоторые исследователи, однако, и ее называют лишь предбитистикой), в которой машины начинают «разоблачать» наш язык, выслеживая в нем обороты речи, обусловленные телесным строением человека.

Так, например, понятия «возвышения» и «унижения» возникли (согласно машинному, а не нашему толкованию!) потому, что любой живой организм, а значит, и человек, вынужден путем активного мышечного усилия противодействовать всемирному тяготению.

Стало быть, тело оказывается тем звеном, через которое градиент гравитации запечатлевается в человеческом языке. Систематизированный анализ речи, обнаруживший, сколь обычны такого рода влияния не только в мире понятий, но и в области синтаксиса, читатель найдет в конце VIII главы II тома. В третьем же томе рассматриваются модели языков, спроектированных бит-способом для среды, отличной от земной, а также для негуманоидных организмов. На одном из них, ИНВАРТе, МЕНТОР II сочинил «Пасквиль на Вселенную» (о котором будет сказано ниже).

В. Мимезис не только открывает перед нами неизвестные доселе механизмы духовного творчества, но и властно вторгается в мир духовных творений человека. Исторически мимезис возник как побочный и непредусмотренный эффект машинного перевода. Перевод требует многошагового и многоаспектного преобразования информации. Самые тесные связи возникают при этом между системами понятий, а не слов или фраз; машинные переводы с одного языка на другой в настоящее время так безупречны потому, что выполняют их агрегаты, не составляющие единого целого, а лишь «целящие» как бы с разных сторон в один и тот же оригинальный текст. Этот текст «отпечатывается» на машинном языке («посреднике»), и лишь затем «оттиски» проецируются машинами во «внутреннее концептуальное пространство». В нем возникает «*n*-мерное тело отражений», относящееся к оригиналу так, как организм к эмбриону; проекция этого «организма» на язык перевода дает ожидаемый результат.

Впрочем, реальный процесс сложнее, в частности, потому, что качество перевода постоянно контролируется путем обратного перевода (с «организма» на язык «оригинала»). Агрегат-переводчик состоит из блоков, между которыми нет связи: «общаться» они могут лишь через процесс перевода. Х. Элиас и Т. Земмельберг сделали поразительное открытие: «*n*-тело отражений» в качестве уже «истолкованного», то есть семантически усвоенного машиной текста, можно *увидеть* целиком – если этот абстрактный объект ввести в особую электронную приставку (семоскоп).

«Тело отражений», спроецированное в концептуальный континуум, выглядит как сложная, многослойная, аperiodическая и перемененно-асинхронная фигура, сотканная из «пылающих нитей» – то есть из миллиардов «значащих кривых». Эти кривые в своей совокупности образуют плоскости разрезов семантического континуума. В иллюстративных материалах ко II тому читатель найдет ряд семоскопических снимков, изучение и сопоставление которых дает весьма впечатляющие результаты. Тут видно, что качество оригинального текста имеет отчетливое соответствие в геометрической «красоте» семофигуры!

Мало того: даже при небольшом навыке можно «на глаз» отличить дискурсивные тексты от художественных (беллетристических, поэтических); религиозные тексты почти без исключения очень сходны с художественными, тогда как для философских в этом (визуальном) плане характерен большой разброс. Не будет большим преувеличением сказать, что проекции текстов в машинный континуум – это их застывшие смыслы. Тексты особенно стройные в логическом отношении выглядят как сильно стянутые переплетения и пучки «значащих кривых» (тут не место объяснять их связь с областью рекуррентных функций: отсылаем читателя к IX главе II тома).

Всего необычнее выглядят тексты литературных произведений аллегорического характера: их центральная семофигура обычно окружена бледным ореолом, а по обеим его сторонам (полюсам) виднеются «эхо-повторения» смыслов, порою напоминающие картину интерференции световых лучей. Как раз благодаря этому возникла машинная топо-семантическая критика (мы еще скажем о ней) – критика любых интеллектуальных творений человека, и прежде всего – его философских систем.

Первым произведением бит-мимезиса, получившим всемирную известность, был роман Псевдо-Достоевского «Девочка». Создал его в релаксационном режиме многоблочный агрегат, занимавшийся переводом полного собрания сочинений русского писателя на английский

язык. Выдающийся русист Джон Рали в своих воспоминаниях рассказывает, какое потрясение он пережил, получив машинописную рукопись, подписанную странным (как он полагал) псевдонимом ГИКСОС. Впечатление, произведенное чтением «Девочки» на этого знатока Достоевского, надо думать, было и впрямь неслыханным, коль скоро он, по его собственным словам, усомнился, что читает роман наяву! Авторство текста было для него несомненным, но в то же время он знал, что у Достоевского такого романа нет.

Вопреки тому, что писали газеты, агрегат-переводчик, усвоив все написанное Достоевским, включая «Дневник писателя», а также всю литературу о Достоевском, вовсе не сконструировал «фантом», «модель» или «машинное воплощение» личности реального автора.

Теория мимезиса крайне сложна, но ее принцип, равно как и обстоятельства, позволившие создать этот феноменальный образец миметической виртуозности, можно изложить просто. Машинный переводчик и не думал воссоздавать Достоевского как реальное лицо или личность (впрочем, это было бы ему не по силам). Процедура выглядит так: в пространство значений проецируется творчество Достоевского в виде изогнутой фигуры, напоминающей разомкнутый тор или лопнувшее (с пробелом) кольцо. После этого сравнительно простой задачей (простой, разумеется, не для человека, а для машины) было «замкнуть» пробел, то есть «вставить недостающее звено».

Можно сказать, что в творчестве Достоевского через романы главного ряда проходит семантический градиент, продолжением которого, а вместе с тем «звеном, замыкающим кольцо», оказывается «Девочка». Именно поэтому знатоки, ясно представляющие себе, как соотносятся между собой произведения великого писателя, не испытывают ни малейших сомнений относительно того, где, то есть между какими романами, следует поместить «Девочку». Лейтмотив, звучащий уже в «Преступлении и наказании», нарастает в «Бесах», а между этим романом и «Братьями Карамазовыми» открывается «пробел». Это был успех, но вместе с тем – редкая удача мимезиса; попытки добиться, чтобы машинные переводчики создали нечто подобное за других авторов, ни разу не дали такого блестящего результата.

Мимезис не имеет ничего общего с эмпирической хронологией творчества данного писателя. Так, например, существует неоконченная рукопись романа Достоевского «Император», но «догадаться о ней», «напасть на ее след» машины никогда не смогли бы, потому что этим романом автор пытался выйти за рамки своих возможностей. Что же касается «Девочки», то, кроме первой версии, созданной ГИКСОСОМ, существуют ее варианты, созданные другими агрегатами, хотя знатоки считают их менее удачными; различия в композиции оказались, конечно, значительными, но все эти апокрифы объединяет общая, доведенная до пронзительной кульминации проблематика Достоевского – борение святости с телесным грехом.

Каждый, кто читал «Девочку», понимает, какие причины не позволили Достоевскому ее написать. Разумеется, с точки зрения традиционной гуманистики мы совершаем сущее святотатство, уравнивая в правах машинную имитацию с подлинным творчеством; но битистика в самом деле неизбежно выходит за рамки классического канона оценок и ценностей, в котором подлинность текста имеет решающее значение, – поскольку мы можем доказать, что «Девочка» принадлежит Достоевскому «в большей степени», чем его собственный текст – «Император»!

Общая закономерность мимезиса такова: если автор полностью исчерпал стержневую для него конфигурацию порождающих смыслов («страсть всей жизни»), или, в терминологии битистов, «пространство своих семофигур», – то ничего, кроме вторичных текстов («затухающих», «эхо-текстов»), мимезис уже не даст. Но если он чего-то «не досказал» (скажем, по биологическим причинам – из-за ранней смерти – или по социальным – из-за недостатка решимости) – мимезис способен воссоздать «недостающие звенья». Правда, конечный успех зависит еще и от топологии семофигур писателя; тут важно различать сходящиеся и расходящиеся семофигуры.

Обычный критический анализ текстов недостаточен для оценки шансов мимезиса в каждом конкретном случае. Скажем, литературоведы рассчитывали на миметическое продолжение творчества Кафки, но их надежды не оправдались; мы не получили ничего, кроме заключительных глав «Замка». Для битистов, впрочем, казус Кафки методологически особенно ценен; из анализа его семофигуры видно, что уже в «Замке» он подошел к крайним пределам творчества: три попытки, предпринятые в Беркли, показали, что машинные апокрифы «тонут» в многослойных «эхо-отражениях смыслов», в чем объективно проявилась экстремальность этого рода писательства. Ибо то, что читатель интуитивно ощущает как совершенство композиции, есть следствие равновесия, называемого семостазом; если аллегоричность чересчур перевешивает, прочтение текста становится непосильной задачей. Физическим аналогом подобной ситуации будет пространство, замкнутое таким образом, что звучащий в нем голос искажается вплоть до полного затухания – в ливне отовсюду идущих эхо-отражений.

Перечисленные выше ограничения мимезиса, несомненно, благодетельны для культуры. Ведь издание «Девочки» вызвало переполох не только среди людей искусства. Не было недостатка в Кассандрах, предрекавших, что «мимезис задавит культуру», что «вторжение машин» в средоточие человеческих ценностей будет губительнее и ужаснее любого вымышленного «вторжения из космоса».

Опасались, что возникнет индустрия «креативных услуг» и культура станет кошмарным раем: коль скоро первый встречный по первому своему капризу получает шедевры, мгновенно создаваемые машинными «суккубами» или «инкубами», которые безошибочно окукливаются в духов Шекспира, Леонардо, Достоевского... то рушатся все иерархии ценностей, ведь пришлось бы бродить по колена в шедеврах, как в мусоре. По счастью, подобный апокалипсис мы можем причислить к сказкам.

Мимезис, поставленный на промышленную основу, действительно повлек за собой безработицу, но лишь среди поставщиков тривиальной литературы (НФ, «порно», авантюрное чтение и т. п.); там он и впрямь вытеснил людей из сферы интеллектуального производства; но вряд ли это особенно огорчит добропорядочного гуманитария.

С. Критика системной философии (или **софокризия**) считается пограничной зоной между областями битистики, получившими название *cis-humana* и *trans-humana*. Эта критика, вообще говоря, сводится к логической реконструкции творений великих философов и, как уже говорилось, берет свое начало в миметических процедурах. Она получила зримое выражение (заметим, довольно-таки вульгарное) благодаря применению, которое ей подыскали охочие до прибылей предприниматели. До тех пор пока онтологии Аристотелей, Гегелей, Аквинатов можно было благоговейно созерцать лишь в Британском музее, в виде светящихся «фигуркоконов», вделанных в куски темного стекла, трудно было усмотреть в этом что-то дурное.

Но теперь, когда «Сумму теологии» или «Критику чистого разума» можно купить в виде пресс-папье любых размеров и цвета, это развлечение, надо признать, приобрело пошловатый привкус. Наберемся терпения; эта мода пройдет, как и тысячи других. Конечно, покупателей «Канта, застывшего в янтаре» мало заботят поразительные философские открытия, которые дала нам бит-апокризия. Мы не станем излагать ее результаты: читатель найдет их в III томе монографии; достаточно заметить, что семоскопия – это поистине новый орган чувств, которым неожиданно одарил нас дух из машины, дабы позволить нам созерцать величайшие свершения духа.

Немаловажно и еще одно обстоятельство: до сих пор мы были вынуждены верить на слово крупнейшим ученым, уверявшим нас, что путеводной звездой, которая вела их к открытиям, была чистая красота математического построения; теперь мы можем убедиться в этом воочию, взяв в руки – чтобы разглядеть поближе – их застывшую мысль. Разумеется, то, что десять томов высшей алгебры или многовековую борьбу номинализма с универсализмом можно запе-

чатлеть в куске стекла размером с кулак, само по себе никак не влияет на дальнейшее развитие мысли. Бит-творчество столь же облегчает, сколь и осложняет творчество человека.

Одно можно сказать с уверенностью. До возникновения машинного разума ни один мыслитель, ни один творец не имел таких усердных, таких абсолютно внимательных – и таких беспощадных читателей! Так что в восклицании, которое вырвалось у одного выдающегося мыслителя, когда ему показали критику его труда Ментором V: «Вот кто меня и вправду читал!» – нашло выражение чувство горечи, столь понятное в нашем веке, когда пустое бахвальство и поверхностная эрудиция заменяют солидные знания. Мысль, которая приходит мне в голову, когда я пишу эти слова, – что не люди будут их самыми добросовестными читателями – и в самом деле исполнена горькой иронии.

D. Термин **апостазия** – так назвали последнюю область битистики – представляется удачным. Никогда еще отступничество от всего человеческого не заходило столь далеко, не воплощалось в логических формулах с таким ледяным исступлением; для этой литературы, не взявшей у нас ничего, кроме языка, человечество словно бы не существует.

Библиография «за-человеческого» творчества превосходит библиографию всех остальных упомянутых выше разделов битистики. Здесь скрещиваются пути, неявно намеченные в предшествующих областях. Практически мы делим апостазию на два этажа, верхний и нижний. Нижний, вообще говоря, сравнительно доступен человеку; верхний закрыт от нас наглухо. Поэтому IV том монографии ведет читателя почти исключительно по нижнему царству. Этот том – своего рода экстракт из огромной литературы предмета; так что автор предисловия оказывается перед трудной задачей: кратко изложенное в основной части труда надо пред-изложить еще лаконичнее. Такое пред-изложение, однако, представляется необходимым, как взгляд с большой высоты; иначе читатель, лишенный широкого поля зрения, потеряется в труднопроходимой местности, как странник в горах, самые высокие вершины которых нельзя оценить вблизи. Имея все это в виду, мы выберем лишь по одному бит-тексту из каждой области апостазии, не столько для того, чтобы его истолковать, сколько для того, чтобы настроить читателя на правильный тон, то есть, хочу я сказать, – на метод апостазии.

Итак: мы ограничимся пробами, взятыми из трех провинций нижнего царства: **антиматики, терафизики и онтомахии**.

Введением в них служит т. н. парадокс Cogito²⁷. Первым напал на его след английский математик прошлого века Алан Тьюринг: он пришел к выводу, что машину, которая ведет себя подобно человеку, невозможно отличить от человека в психическом отношении; другими словами, машину, способную разговаривать с человеком, по необходимости придется признать наделенной сознанием. Мы считаем, что другие люди обладают сознанием лишь потому, что сами ощущаем себя сознающими существами. Будь мы лишены этого ощущения, понятие сознания было бы для нас пустым.

В ходе машинной эволюции оказалось, однако, что бездумный разум может быть сконструирован: им, например, обладает обычная программа для игры в шахматы, которая, как известно, «ничего не понимает», которой «все равно», выиграет она партию или проиграет, и которая бессознательно, но логично обыгрывает своих партнеров-людей. Больше того, обнаружилось, что примитивный и наверняка «бездушный» компьютер, запрограммированный для проведения сеансов психотерапии и задающий пациенту специальные вопросы интимного свойства, чтобы на основании полученных ответов поставить диагноз и указать методы лечения, – вызывает у собеседников-людей непреодолимое ощущение, что перед ними, вопреки всему, существо живое и чувствующее. Это ощущение настолько сильно, что нередко ему поддается сам составитель программы, то есть специалист, прекрасно понимающий, что у компьютера души столько же, сколько у граммофона. Но программист может овладеть положением,

²⁷ Мыслю (лат.).

разрушить нарастающую иллюзию общения с сознающей личностью – поставив машине такие вопросы или давая ей такие ответы, перед которыми она, ввиду ограничений программы, будет вынуждена спасовать.

Так кибернетика вступила на путь постепенного расширения и совершенствования программ: чем дальше, тем труднее становилось «срывание маски», обнаружение «бездумности» программ, болтающих почем зря из машины и тем самым побуждающих человека невольно уподоблять машину себе самому (бессознательно, в соответствии с усвоенной нами посылкой, что тот, кто осмысленно отвечает на наши слова и сам нас осмысленно спрашивает, должен обладать *сознающим разумом*).

Так вот: в битистике парадокс Cogito проявился иронически-парадоксальным образом – как *сомнение* машин в том, что люди действительно мыслят!

Ситуация вдруг оказалась идеально и двусторонне симметричной. *Мы* не можем иметь совершенной уверенности (неоспоримых доводов), что машина мыслит – и, мысля, переживает свои состояния как психические; ведь мы всегда можем сказать себе, что это лишь имитация и, как ни совершенна она внешне, внутри ей соответствует пустота абсолютной «бездушности».

Но и машины точно так же не могут найти доказательств того, что мы, их партнеры, *мыслим* сознательно – как они. Ни одна из сторон не знает, какие психические состояния другая сторона подразумевает под словом «сознание».

Следует заметить, что этот парадокс ведет нас в сущую бездну, хотя поначалу он может показаться всего лишь забавным. Качество результатов мышления само по себе ничего тут не значит; уже элементарные автоматы прошлого века побеждали в логических играх собственных конструкторов, а ведь эти машины были до крайности примитивны; поэтому мы совершенно точно знаем, что результаты творческого мышления могут быть получены и иным – бездумным – путем. Четвертый том нашей монографии открывается трактатами двух бит-авторов – Ноона и Люментора, показывающими, сколь глубоко укоренена эта загадка в природе мироздания.

Из **антиматики**, то есть «воздвигнутой на антиномиях», «кошмарной» математики, мы возьмем лишь одно, для любого специалиста чудовищное, ошеломительное, совершенно безумное суждение: «Понятие натурального числа внутренне противоречиво». Это значит, что любое число не обязательно равно себе самому! Согласно доводам антиматиков (это, понятно, машины), аксиоматика Пеано²⁸ ошибочна – не потому, что она внутренне противоречива сама по себе, но потому, что к миру, в котором мы существуем, она неприменима без оговорок. Ибо антиматика, вместе со следующим разделом бит-апостазии – **терафизикой** («чудовищной физикой»), постулирует неустрашимое срастание мышления и мироздания. Объектом атаки таких авторов, как Алгеран и Стикс, стал нуль. Согласно им, безнулевая арифметика может быть построена в *нашем* мире непротиворечивым образом. Нуль есть кардинальное число любых пустых множеств; но понятие «пустого множества», утверждают они, *всегда* связано с антиномией лжеца. «Ничего такого, как «ничто», не существует», – этим эпиграфом из труда Стикса придется закончить пред-изложение антиматической ереси, иначе мы утонули бы в доказательствах.

Самым причудливым и, возможно, самым многообещающим для науки плодом **терафизики** считается гипотеза **Поливерсума**. Согласно ей, Космос состоит из двух частей, а мы, вместе с материей звезд, планет, наших тел, населяем его «медленную» половину, или **брадиверсум**. Медленную потому, что здесь возможно движение со скоростями от нулевой до максимальной (в пределах брадиверсума) – световой. Путь во вторую, «быструю» половину Космоса – **тахиверсум** – лежит через световой барьер. Чтобы попасть в тахиверсум, надо пре-

²⁸ Дж. Пеано (1858–1932) – автор аксиоматики натурального ряда чисел. – *Примеч. пер.*

высить скорость света: это – всеприсутствующая в нашем мире граница, отделяющая любое место от «второй зоны существования».

Несколько десятков лет назад физики выдвинули гипотезу тахионов – элементарных частиц, которые движутся *только* со сверхсветовыми скоростями. Обнаружить их не удалось, хотя именно они, согласно терафизике, составляют тахиверсум. Точнее, тахиверсум создан *одной* такой частицей.

Тахион, замедленный до скорости света, обладал бы бесконечно большой энергией; ускоряясь, он теряет энергию, и она выделяется в виде излучения; когда его скорость становится бесконечно большой, энергия падает до нуля. Тахион, движущийся с бесконечной скоростью, пребывает, понятно, сразу *повсюду*: он один, как всюду присутствующая частица, и образует собой тахиверсум! Вернее, чем больше его скорость, тем более он «повсюден». Мир, созданный из столь необычайной повсюдности, заполнен, кроме того, излучением, которое непрерывно испускается ускоряющимся тахионом (а он теряет энергию именно при ускорении). Этот мир представляет собой негатив нашего: у нас свет обладает наибольшей, а там, в тахиверсуме, – наименьшей скоростью. Становясь повсюдным, тахион превращает тахиверсум во все более «монолитное» и жесткое тело, пока наконец не становится повсюдным настолько, что напирает на световые кванты и снова вдавливая их внутрь себя; тогда начинается процесс торможения тахиона; чем медленнее он движется, тем большую приобретает энергию; тахион, замедленный до нулевой скорости, причем его энергия приближается к бесконечно большой, – взрывается, порождая брадиверсум...

Итак, если смотреть из *нашей* Вселенной, этот взрыв *уже* произошел и создал сначала звезды, а потом и нас; но если смотреть из тахиверсума, он *еще* не наступил; ведь не существует какого-то абсолютного времени, в котором можно расположить события, совершающиеся в обоих Космосах.

Тамошние «натуральные» математики являются почти противоположностями нашей; в нашем, медленном мире $1 + 1$ равняется почти $2 [1 + 1 @ 2]$; лишь у самой границы (при достижении скорости света) $1 + 1$ становится равным 1 . Напротив, в тахиверсуме единица *почти* равняется бесконечности $[1 @ \infty]$. Но этот вопрос, как признают сами «чудовищные доктора», пока еще неясен постольку, поскольку логика определенного универсума (или поливерсума!) является осмысленным понятием лишь в том случае, если в этом мире есть кому пускать ее в ход; между тем пока неизвестно, какова вероятность возникновения в тахиверсуме разумных систем (или даже жизни). Математика, согласно этой точке зрения, имеет свои границы, заданные непреодолимыми границами материального существования, и говорить о *нашей* математике в мире с иными законами, нежели законы нашего мира, значит говорить бессмыслицу.

Что же касается последнего примера бит-отступничества – «Пасквиля на Вселенную», то признаюсь, что я не сумел бы кратко его изложить. А ведь этот громадный (многотомный) труд задуман как всего лишь вступление в экспериментальную космогенетику – или технологию конструирования миров, «бытийно более сносных», чем наш.

Бунт против существования в заданных формах (ничего общего не имеющий с нигилизмом, стремлением к самоуничтожению), этот плод машинного духа, породивший шквал проектов «иног бытия», бесспорно, явление экзотическое и – если отвлечься от трудностей, связанных с чтением «Пасквиля», – потрясающее нас эстетически. На вопрос, с чем мы, собственно, имеем дело – с фикцией логики или логикой фикции, с фантастической философией или тщательно продуманной, совершенно серьезной попыткой сокрушить, упразднить данное, здешнее бытие как случайность, как берег, к которому прибил нас неведомый жребий и от которого дерзость велит нам оттолкнуться и пуститься в неведомом направлении, – итак, на вопрос, в самом ли деле это сочинения *не-человеческие* или, напротив, своим отступничеством они благоприятствуют нам, я не отвечаю, ибо и сам не знаю ответа.

Предисловие ко II изданию

За три года, прошедшие со времени выхода в свет первого издания, появилось много новых бит-публикаций. Редакционная коллегия, однако, решила сохранить прежнюю композицию монографии, за одним исключением, о котором речь пойдет ниже. Таким образом, четыре основных тома «Истории бит-литературы» не претерпели коренных изменений как по своему составу, так и по расположению материала; была лишь дополнена библиография, а также исправлены ошибки и недосмотры (впрочем, немногочисленные) первого издания.

Коллектив авторов счел целесообразным выделить в особый, пятый том, имеющий характер приложения, сочинения по метафизике и религиоведению (в широком смысле этих понятий), которые вместе именуются теобитической литературой. В предыдущем издании мы ограничились скудными извлечениями и упоминаниями об этом направлении – в Приложении к IV тому. Разрастание теобитической литературы побудило нас уделить ей больше внимания; поскольку в предисловии к первому изданию о ней не упоминалось вовсе, мы пользуемся случаем, чтобы кратко охарактеризовать содержание V тома, а тем самым – познакомить читателя с узловыми проблемами теобитистики.

1. **ИНФОРМАТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ.** В конце прошлого десятилетия компьютерная группа из Брукхейвена подвергла формальному анализу все имевшиеся в ее распоряжении (и одобренные католической церковью) сочинения мистиков – в рамках проекта «Мистика как канал связи». Отправной точкой исследования послужил тезис, который в этой церкви был предметом веры, а именно: что мистики в неких особых состояниях духа могут общаться с Богом. Тексты, запечатлевшие этот мистический опыт, были изучены с точки зрения содержащейся в них информации. Анализ не касался ни проблемы трансцендентности Бога, ни его имманентных характеристик (например, как личности или неличности), поскольку предметом анализа не был смысл мистических сочинений, их семантическое содержание. Тем самым качественная сторона каких бы то ни было откровений, явленных в мистических контактах, не затрагивалась: учитывалась лишь *количественная* сторона информации, полученной мистиками. Такой физикалистский подход позволил с математической точностью определить количественный прирост информации, полностью отвлекаясь от ее содержания. Предпосылкой проекта была аксиома теории информации, согласно которой установление связи с реальным источником информации, то есть создание канала коммуникации, должно сопровождаться ростом количества информации на стороне адресата.

Из различных определений Бога вытекает догмат о его бесконечности, который в информационном плане означает бесконечно большое разнообразие. (Что легко доказать формально: всеведение, которое считается атрибутом Бога, предполагает именно такое разнообразие – равное мощности континуума.) И хотя человек, контактирующий с Богом, будучи сам конечен, не может усвоить бесконечную информацию, он должен предъявить нам хотя бы небольшой прирост количества информации, в пределе ограниченный емкостью его ума. Однако с этой точки зрения сочинения мистиков оказались гораздо беднее высказываний людей, контактирующих с реальными источниками информации (например, ученых, ведущих естественно-научные исследования).

Количество информации в сочинениях мистиков в точности равняется количеству информации в высказываниях (сочинениях) людей, не имеющих иных генераторов разнообразия, кроме самих себя. Вывод, к которому пришли авторы исследования, гласит: «Постулируемое церковью общение человека-мистика с Богом не существует как процесс, в ходе которого человек получает информацию, отличную от нулевой». Это может означать, что либо постулируемый церковью канал связи является фикцией, либо канал возникает, но Отправитель упорно хранит молчание. И лишь вне-физикалистские соображения могут заставить нас

выбрать одну из возможностей: «*Silentium Domini*» – «*Non esse Domini*»²⁹. Эти работы, вместе с новейшей теологической контраргументацией, мы помещаем в первой части дополнительного тома.

2. МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ. Наиболее удивительным плодом теобитистики является синусоидальная, то есть осциллирующая, модель Бога. Бог аксиоматически определяется как переменный *процесс*, а не как неизменное *состояние*; он осциллирует с трансцендентной частотой между противоположными по знаку бесконечностями – Добра и Зла. Обе они реализуются в рамках каждого временного интервала, хотя и не одновременно: божественное Добро и Зло попеременно переходят друг в друга, так что процесс имеет форму именно синусоиды.

Поскольку череда обеих бесконечностей, имея потусторонние источники, участвует в порядке бытия посюсторонним образом, можно показать, что возможно возникновение локальных отклонений – отрезков пространства-времени, в пределах которых равновесие Добра и Зла *не* сохраняется. В таких особых точках возникают флуктуации, то есть нехватки Добра или Зла. А так как кривая процесса при каждой очередной перемене знаков должна пройти через нуль в Универсуме, который существует в течение бесконечно долгого времени, имеются не две, а *три* бесконечности; «Добра, Нуля и Зла» – что в переводе на традиционный богословский язык означает наличие в рамках этого Универсума: Бога, его абсолютного отсутствия и его абсолютной противоположности, то есть Дьявола. Эта работа, которую относят либо к теологическим, либо к теокластическим, возникла путем формальных построений, с привлечением математического аппарата теории множеств и физической теории Вселенной. Ее автором является ОНТАРЕС II. В своей математической части она не оперирует какими-либо терминами, взятыми из традиционного богословия («Бог», «Дьявол», «Метафизическое небытие»). Мы поместили ее в III главе Приложения.

Еще одна любопытная теобитическая работа написана агрегатами, в обиходе именуемыми «холодными» (они работают на криотронах); здесь в качестве Бога предлагается бесконечный компьютер или бесконечная программа. И тот и другой подходы связаны с неразрешимыми антиномиями. Но, как заметил в послесловии к этой работе один из ее авторов, МЕТАКС, в любой человеческой религии, если ее формализовать, антиномий найдется гораздо больше; так что если «лучшей религией» считать «наименее противоречивую», то компьютер окажется более совершенным образом Бога, чем человек.

3. ФИЗИКАЛИСТСКАЯ ТЕОЛОГИЯ. Работы МЕТАКСА мы не причисляем к теобитическому физикализму: они оперируют терминами «Компьютер» или «Программа» в формальном (математическом), а не физическом смысле (как известно, любой компьютер, как и любой автомат, имеет свое идеальное математическое соответствие). Напротив, физикалистски понимаемая битистика исследует присутствие Создателя или Творца бытия в материи. Таких работ появилось столько, что в этих предварительных замечаниях мы назовем лишь наиболее оригинальные сочинения. Автор первого, УНИТАРС, рассматривает Космос как «гранулат», который попеременно «окомпьютеривается» и «раскомпьютеривается»; его диаметрально противоположные состояния – Метакомпьютер и Метагалактика. В стадии «одухотворения» основой материальных процессов является информатика; физика у нее на посылках делает то, чего требует «компьютерная тотальность» Вселенной; субстрат этого «космического мышления» принимает в итоге взрывную форму, ибо материальная основа мышления, меняя конфигурацию, становится все менее стабильной, и наконец ТО, ЧЕМ мыслил Метакомпьютер, взрывается, а на его месте остается – в виде разрушающегося сверхоблака из огненных остатков – Метагалактика; присутствие в глубинах «бездушной» стадии разумных существ объясняется как бы мимоходом: это реликты, «остатки», «отбросы» предшествующей стадии. «Помыслив то,

²⁹ «Молчание Господа» – «Несуществование Господа» (лат.).

инобытием чего является субстрат мышления, Целое разрывается, разбегаясь туманностями, которые, возвращаясь и снова сжимаясь, опять создают гранулат возрождающегося Метакомпьютера, и пульсация «Дух – Бездушность» (материи, организующейся в мышление, и мышления, распадающегося в материю) может продолжаться неограниченно долго». Другие варианты этой «ноопульсационной» теории читатель найдет в VI главе Приложения.

По-видимому, к бит-юмористике следует причислить гипотезу, согласно которой Вселенная выглядит именно так, а не иначе, поскольку действующие во всех галактиках астроинженеры пытаются «переждать этот Космос» – разгоняя массы или какие-то транспортные средства до световой скорости. В соответствии с релятивистским эффектом тело, движущееся с такой скоростью, может за время, которое в нем самом равняется земным месяцам, «переждать» миллиарды лет; так что колоссальные выбросы в виде квазаров, пульсаров, туманностей – результат усилий астроинженеров, пробующих «перескочить» из нынешней фазы Универсума в следующую. Эта «транспортно-темпоральная» деятельность имеет целью «трансцендировать» нынешний Космос (как видно, в расчете на то, что следующая фаза окажется более благоприятной для колонизации). Обзором таких гипотез завершается новый, пятый том «Истории бит-литературы».

Экстелопедия Вестранда в 44 магнитомах

**Ekstelopedia
Vestranda**

W 44 MAGNETOMACH

**VESTRAND BOOKS CO.
NEW YORK – LONDON – MELBOURNE
MMXI**

Прокламанка³⁰

Издательство ВЕСТРАНД счастливо предложить Вам, Дорогой (-ая) Читатель (-ница),
Подписку на

САМУЮ БУДУЩНОСТНУЮ

из всех когда-либо вышедших в свет Экстелопедий. Если в повседневной текучке Вы не успели еще узнать, что такое Экстелопедия, мы Вам охотно поможем. Традиционные энциклопедии, вошедшие во всеобщее употребление два века тому назад, в семидесятые годы вступили в эпоху Глубокого Кризиса: их содержание устаревало уже на типографском станке. Апчик, то есть автоматизация производственного цикла, не оправдала ожиданий, поскольку невозможно свести к нулю время, необходимое экспертам – авторам Статей. Отставание наиновейших энциклопедий от жизни возрастало с каждым годом; попадая на книжные полки, они сохраняли разве что историческую ценность. Многие Издатели пытались помочь делу публикацией ежегодных, а потом и ежеквартальных Дополнений, но вскоре Дополнения стали превосходить размерами Основное Издание. Очевидная невозможность поспеть за Ускоренным Ходом Цивилизации заставила глубоко призадуматься Издателей вкуче с Авторами.

Так появилась Первая Дельфиклопедия, то есть Энциклопедия, содержание которой относилось к Будущему. Но Дельфиклопедия создается так называемым Дельфийским Методом, а попросту говоря, голосованием Полномочных Экспертов. Поскольку же их мнения совпадают отнюдь не всегда, первые Дельфиклопедии состояли из Статей, напечатанных в двух вариантах: согласно мнению Большинства и Меньшинства Экспертов или выходили в двух модификациях (Максиклопедия и Миниклопедия). Читатели, однако, встретили новшество с неодобрением, а известный физик, нобелевский лауреат проф. Куценгер, выразил это неодобрение в весьма резкой форме, заявив, что публику интересует Существо Дела, а не Склоки Специалистов. И лишь благодаря инициативе Издательства Вестранд положение кардинально изменилось к лучшему.

Экстелопедия, которую мы предлагаем Вам в 44 небольших Магнитах, опрарвленных в Неизменно Теплую Девичью Псевдокожу «Виргинал», самовысовывающихся с полки на голос Владельца (-лицы), самоперелистывающихся и самоостанавливающихся на нужном месте, содержит 69 500 будущностных статей, написанных доступно, но со всей возможной точностью. В отличие от Дельфи-, Макси- и Миниклопедии

ЭКСТЕЛОПЕДИЯ ВЕСТРАНДА

создавалась БЕЗЛЮДНО, а значит, БЕЗЛЯПСУСНО восемнадцатью тысячами наших КОМФЬЮТЕРОВ (футурологических компьютеров).

За Статьями Экстелопедии Вестранда кроется целый Космос Восьмисот Гигатриллионов Сема-цифровых Операций, которые выполнили в Комурбии нашего Издательства ПОБА-СИНКИ – Полевые Батарей Сверхмощной Инфракалиберной Интеллерии.

Координировал их работу наш СУПЕРПЬЮТЕР – электронное воплощение Мифа о Супермене, обошедшееся нам в двести восемнадцать миллионов двадцать шесть тысяч триста долларов в ценах прошлого года. ЭКСТЕЛОПЕДИЯ – это сокращение слов Экстраполяцион-

³⁰ © Перевод К. Душенко, 2010.

ная Телеономическая Энциклопедия, иначе говоря, ПРИПРЭНЦИК (Прицельное Прогнозирование Энциклопедий) с Максимальным Опережением во Времени.

Чем отличается наша Экстелопедия?

Тем, что она – Наиболее Доношенное Детище Прафутурологии, почтенной, хотя и примитивной Дисциплины, возникшей в конце XX века. Экстелопедия сообщает сведения об Истории, которая еще только будет, то есть о ВСЕОБЩЕЙ БУСТОРИИ, о делах Космономических, Косматических и Космолицейских, обо всем, что будет ПОХИЩАТЬСЯ и УГОНЯТЬСЯ, а также С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ И С КАКИХ ПОЗИЦИЙ, о Новых Великих Открытиях Науки и Техники, особо выделяя те, что таят наибольшую угрозу для Вас лично, Дорогой (-ая) Читатель (-ница), об Эволюции Верований и Вероисповеданий (в частности, в статье ФУТУРЕЛИГИИ), а равно о 65 760 иных Вопросах и Проблемах. Любителей Спорта, которых так угнетает Непредсказуемость Результатов во всех дисциплинах, Экстелопедия оградит от напрасных волнений и безудержного ликования, в т. ч. по поводу легкоатлетических и эротлетических состязаний, – если они подпишут

чрезвычайно выгодный купон, приложенный к настоящей Прокламанке³¹.

В самом ли деле Экстелопедия Вестранда сообщает Правдивые и Полные сведения? Как вытекает из исследований МИТа, МАТа и МУТа, объединенных в СОПИНТе (Совет по Интеллектуальной Электронике США), оба предыдущих издания нашей Экстелопедии содержали отклонения от Фактических Состояний в границах 8,05–9,008 % на букву. Но наше последнее, САМОЕ БУДУЩНОСТНОЕ издание с вероятностью 99,0879 % окажется в Самой Сердцевине Грядущего.

Откуда такая точность?

Почему Вы можете столь безусловно доверять этому изданию? Потому что оно появилось на свет благодаря двум – примененным впервые в истории человечества – Абсолютно Новым Методам Зондирования Будущего, а именно: СУПЛЕКСНОМУ и КРЕТИЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ.

СУПЛЕКСНЫЙ, или Суперкомплексный, Метод восходит к процедуре, при помощи которой Машинная Программа Мак Шлак Брак побила в 1983 году

ВЕЛИЧАЙШИХ ШАХМАТНЫХ МАЭСТРО ЗЕМЛИ

разом, вместе с Бобби Фишером, дав им в Сеансе Одновременной Игры 18 матов на грамм, калорию, сантиметр и секунду. Впоследствии Программа эта была тысячекратно усилена и подвергнута Экстраполяционной Адаптации, благодаря чему она способна не только ПРЕДВИДЕТЬ, ЧТО СЛУЧИТСЯ, если ЧТО-ТО случится, но, кроме того, точно предсказывает, что случится, если ТО ни капельки не случится, то есть вовсе не произойдет.

ДО СИХ ПОР Предикторы работали только на ПОЗИПОТАХ – Позитивных Потенциях (то есть учитывая Возможность Осуществления Чего-Либо). Наша Новая СУПЛЕКСНАЯ Программа работает еще и на НЕГАПОТАХ – Негативных Потенциях. Другими словами, она учитывает то, что, по убеждению ВСЕХ ЭКСПЕРТОВ, ПРОИЗОЙТИ НАВЕРНЯКА НЕ

³¹ Прокламанка – см. «Пробный лист Экстелопедии», бесплатно рассылающийся вместе с этим проспектом.

МОЖЕТ. А как известно, *соль* будущего содержится именно в том, что, по мнению экспертов, НИКОГДА НЕ СЛУЧИТСЯ.

ИМЕННО ОТ ЭТОГО ЗАВИСИТ БУДУЩЕЕ!!!

Однако, чтобы подвергнуть полученный Суплексным Методом результат перекрестному контролю (КРЕЩЕНИЮ, или КРЕСТИНАМ), мы, невзирая на Колоссальные Расходы, применили другой, также АБСОЛЮТНО новый метод – ФУТУЛИНГВИСТИЧЕСКУЮ Экстраполяцию.

Двадцать шесть наших КОМФЬЮЛИНТОВ (Лингвистических Комфьютеров, сопряженных в одну общую сеть, или обсетьственных), исходя из анализа тенденций развития, т. е. трендов с недетерминированным градиентом (Трендендерентов), создали ДВЕ ТЫСЯЧИ наречий, диалектов, жаргонов, сленгов, номенклатур и грамматик будущего.

Что означает этот впечатляющий результат? Ни больше ни меньше как создание ВСЕМИРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ БАЗЫ ПОСЛЕ ДВЕ ТЫСЯЧИ ДВАДЦАТОГО ГОДА. Попросту говоря, наш КОМПЬЮПОЛИС, или Компьютерград, содержащий 1720 Единиц Интеллекта на кубический миллиметр псиномассы (Психосинтетической Массы), смоделировал слова, предложения, синтаксис и грамматику (и, конечно, значения) Языков, на которых человечество будет говорить в Грядущем.

Разумеется, знания языка, при помощи которого люди будут объясняться друг с другом, а также с машинами 10, 20 или 30 лет спустя, недостаточно, чтобы узнать, О ЧЕМ они будут беседовать чаще всего и охотней всего. А это и есть самое главное, ведь человеку свойственно СПЕРВА говорить, а уж ПОТОМ думать и делать. Причиной ущербности всех прежних попыток построения Языковой Футурологии, или Прогнолингвистики, была ЛОЖНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ процедур: ученые неявно предполагали, что в Грядущем люди будут вести ОДНИ ЛИШЬ РАЗУМНЫЕ РАЗГОВОРЫ и соответственно этому поступать.

Между тем исследования показали, что люди говорят ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ГЛУПОСТИ. И вот, чтобы имитировать – путем Экстраполяции более чем на четверть века вперед –

ТИПИЧНО ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ СПОСОБ изъясняться,

нами были сконструированы ИДИОМАТЫ и КОМДЕБИЛЫ (ФУТУПИЦЫ), то есть Идиоматические Автоматы и халтурающие Компьютеры-Дебилы; они-то и создали ПАРАДЕГЕНЕРАТИКУ, или паралогическую дескриптивно-генеративную грамматику Языка Будущего.

На ее основе Контрольные Будоязы, Лингвисторы и Шизоматы сконструировали 118 Подъязыков (диалектов, жаргонов, сленгов), таких как СПЛЕТНЕКС, БАЛТАН, БАРМАТАН, БРЕДД, БАЛАБОЛЛ, ЗАВИРАКС, ТРЕПАКС и КРЕТИНАКС. В конце концов на их базе возникла КРЕТИЛИНГВИСТИКА, позволившая реализовать программу «КРЕЩЕНИЕ». В частности, стало возможным выполнение Интимных Прогнозов в области Футэротики (например, относительно некоторых подробностей сожителства людей с арторгами и аморгами на любовных и девиальных по методу безгравитационной сексонавтики: орбитальной, марсианской и венерической). Добиться этого удалось благодаря таким языкам программирования, как ЭРОТИГЛОМ, РЕЧЕБЛУД и ПРЕЛЮБ.

Но и это еще не все! Наши КОНТРФЬЮТЕРЫ, или Контрольно-Футурологические компьютеры, наложили друг на друга результаты КРЕТИЛИНГВИСТИЧЕСКОГО и СУПЛЕКСНОГО Методов, и лишь после считывания трехсот Гигабитов Информации появился на свет КЭКС, то есть Корректор Эмбриона Экстелопедии.

Почему ЭМБРИОНА? Потому что эта версия Экстелопедии была абсолютно НЕПОНЯТНА для всех ныне живущих, включая нобелевских лауреатов.

Почему НЕПОНЯТНА? Да потому, что ТЕКСТ Эмбриона изложен на языке, на котором СЕГОДНЯ НИКТО ЕЩЕ НЕ ГОВОРИТ и которого, следовательно, НИКТО ЕЩЕ ПОНЯТЬ НЕ В СОСТОЯНИИ. И лишь усилиями восьмидесяти наших РЕТРОЛИНТЕРОВ удалось перевести на современный язык сенсационные сведения, в оригинале запечатленные на языке, который грядет.

Как пользоваться Экстелопедией Вестранда?

Вы размещаете ее на Удобном Стеллаже, который поставляется за небольшую дополнительную плату. Затем, расположившись не ближе чем в двух шагах от полок, спокойно, отчетливо и не слишком громко называете нужную статью. После чего соответствующий Магнитом, самоперелиставшись, послушно соскакивает прямо в Вашу вытянутую правую руку. Достоуважаемых ЛЕВШЕЙ убедительно просим поупражняться в вытягивании ИМЕННО правой руки, поскольку в противном случае Магнитом может отклониться от заданной траектории и поразить – хотя и НЕЧУВСТВИТЕЛЬНО – говорящего или Посторонних Особ.

Статьи печатаются в ДВА ЦВЕТА. ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ указывает, что ВЕРКОВИРТ (вероятный коэффициент виртуальности) статьи превышает 99,9 %. Это, выражаясь популярно, ВЕРНЯК.

КРАСНЫЙ ЦВЕТ означает, что ВЕРКОВИРТ менее 86,5 % и ввиду столь неудовлетворительного положения вещей ВЕСЬ ТЕКСТ каждой такой статьи находится в Непрерывном Телекоммуникационном (гологнетическом) Контакте с Главной Редакцией Экстелопедии Вестранда. Как только наши Будоязы, Фразопеленгаторы и Бредакторы, неустанно отслеживающие грядущее, получают новый ДОСТОВЕРНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ, текст СТАТЬИ, напечатанной КРАСНЫМ, немедленно САМОКОРРЕКТИРУЕТСЯ (реадаптируется). За осуществляемые таким ТЕЛЕКАНАЛЬНЫМ, МОМЕНТАЛЬНЫМ и ОПТИМАЛЬНЫМ способом улучшения Издательство Вестранд

НЕ ТРЕБУЕТ

какой-либо дополнительной оплаты от Достоуважаемых Подписчиков!

В крайнем случае (Верковирт которого составляет менее 0,9 %) возможно СКАЧКООБРАЗНОЕ изменение ТЕКСТА НАСТОЯЩЕГО ПРОСПЕКТА. Если при чтении слова вдруг начнут прыгать у Вас перед глазами, а буквы – подрагивать и разбегаться, следует прервать чтение на 10–12 секунд, протереть очки, проверить состояние Вашего гардероба и так далее, и затем читать СНОВА, с самого начала, а НЕ ТОЛЬКО с того места, на котором Вы остановились, поскольку указанное ПОДРАГИВАНИЕ означает не что иное, как совершающуюся на Ваших глазах коррекцию НЕДОЧЕТОВ.

Если же начнет меняться (мерцать или расплываться) ТОЛЬКО приводимая ниже ЦЕНА Экстелопедии Вестранда, то читать ВЕСЬ ПРОСПЕКТ снова НЕ СЛЕДУЕТ, ибо это изменение затрагивает исключительно

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ,

каковые – ввиду прекрасно известного Вам положения мировой экономики – прогнозировать более чем с 24-минутным опережением, увы, невозможно.

Сказанное выше относится также к полному набору иллюстративных и справочных материалов Экстелопедии Вестранда. В этот набор входят Телеуправляемые, Самодвижущиеся, Осязаемые и Вкусотронные Иллюстрации, а кроме того, футуробы и самострои (самоконстру-

ирующиеся агрегаты), доставляемые нами вместе со стеллажом и полным комплектом Магнитомов в элегантном Чемоданчике-Контейнере. По Вашему желанию, Дорогой Читатель (-ница), мы можем запрограммировать всю контейнизированную Экстелопедию так, что она будет слушаться **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** Голоса Хозяина (-йки).

В случае потери голоса, хрипоты и т. п. настоятельно просим Вас обращаться в ближайшее Представительство Издательства Вестранд, которое незамедлительно поспешит Вам на помощь. Наше Издательство разрабатывает новые, роскошные Модификации Экстелопедии, как то: Самочитающуюся на три голоса (мужской, женский, среднего рода) и два регистра (сухой – ласковый); модель Ультра-люкс, гарантирующую от всевозможных Помех Приему, чинимых Посторонними (например, Конкуренцией), и оборудованную Мини-Баром с небольшой Буяльней; наконец, **ЖЕСТИКЛОПЕДИЮ**, предназначенную для иностранцев и излагающую содержание статей **НА ПАЛЬЦАХ**. Цена этих Специальных Моделей составит, по всей вероятности, от 140 до 290 % цены основного издания.

Экстелопедия вестранда

Vestranda Ekstelopedia

ARKUSZ PRÓBNY

GRATIS

VESTRAND BOOKS
NY – LONDON – MELBOURNE

Пробный лист

ПРОВЕССОР, или ЦИФРОВИК, или ДИКОС (Дидактический компьютер со степенью), – устройство для обучения и проверки знаний студентов, допущенное в высшие учебные заведения СОПИНТом (Советом по Интеллектронике США). См. также: БРОНЕВИК (бронированный цифровик, способный в течение длительного времени выдерживать оппозиц. деятельность обучаемых), ПРОТИВОСТУДЕНЧЕСКАЯ ЗАЩИТА, БОЕВЫЕ СРЕДСТВА. Аналогичные функции выполнял некогда человек – т. н. ПРОФЕССОР (неупотр.).

ПРОГНОСТВОЛКА – прогнозируемая двустволка, охотничье ружье будущего. См.: ОХОТА, а также СИНТОМАХИЯ.

ПРОДОКСЫ, или ПРОГНОДОКСЫ, – парадоксы прогнозирования. К важнейшим П. относятся продокс А. Рюммельгана, продокс М. де ла Фаянса и метаязыковый продокс Голема (см.: ГОЛЕМ).

1. *Продокс Рюммельгана* связан с проблемой преодоления т. н. предсказательного барьера. Как доказал Т. Глэйлер и независимо от него У. Бусть, предсказание будущего упирается в секулярный барьер (называемый также серьером или прерьером). За этим барьером достоверность прогноза становится отрицательной: что бы ни случилось, наверняка случится иначе, чем по прогнозу должно случиться. Рюммельган предложил обойти упомянутый выше барьер при помощи хронопроникающей эксформатики. В ее основу положена гипотеза о существовании изотем (см.: ИЗОТЕМА) – линий, проходящих в семантическом пространстве через все тематически идентичные публикации (подобно тому как в физике ИЗОТЕРМА – линия, проходящая через точки с одинаковой температурой, в космологии ИЗОПСИХА – линия, проходящая через все цивилизации одинакового уровня развития, и т. п.). Зная, как проходит изотема в настоящее время, можно экстраполировать ее продвижение в семантическом пространстве без каких-либо ограничений. Рюммельгану при помощи метода, названного им «лестницей Иакова», удалось обнаружить работы по прогностической тематике, проходившие вдоль такой изотемы. Он действовал поэтапно: сначала предсказывал содержание ближайшей по хронологии работы, затем, исходя из ее содержания, прогнозировал следующую публикацию. Так, шаг за шагом, он обошел барьер Глэйлера и получил данные о состоянии Америки в 10^{10} году. Мулеман и Цук усомнились в достоверности этого прогноза, заметив, что к 10^{10} году Солнце превратится в Красный Гигант (см.) и расширится далеко за пределы земной орбиты. Но продокс Рюммельгана в собственном смысле заключается в том, что ход изотемы прослеживается одинаково успешно как в прямом, так и в обратном направлении. Действительно, Варбле, взяв за основу рюммельгановскую методику хронопроникновения, получил данные о содержании футурологических публикаций 200-тысячелетней давности, то есть плейстоценовой эпохи четвертичного периода, а также каменноугольного периода (карбона) и археозойской эры. Между тем, как подчеркнул Т. Врёдель, 200 тысяч, 150 миллионов и миллиард лет тому назад не было ни печати, ни книг, ни человечества. Для объяснения продокса Рюммельгана предложены две гипотезы: **А.** Согласно Омфалидесу, тексты, которые удалось ретродуцировать, хотя и не появились, но могли бы появиться, если бы в соответствующее время было кому их писать и издавать. Это т. н. гипотеза ВИРТУАЛЬНОСТИ ИЗОТЕМАТИЧЕСКОГО РЕТРОГНОЗА (см.); **Б.** Согласно д'Артаньяну (коллективный псевдоним группы французских рефутологов), аксиоматика эксформатики содержит в себе такие же непреодолимые противоречия, что и классическая теория Кантора (см.: ТЕОРИЯ МНОЖЕСТВ КЛАССИЧЕСКАЯ).

2. *Продокс де ла Фаянса* также относится к изотематическому прогнозированию. Этот исследователь обратил внимание на то, что если сегодня благодаря хронопроникающему слежению публикуется текст работы, которая должна впервые появиться лишь через 50 или 100 лет, то тем самым эта работа уже не сможет появиться впервые.

3. *Метаязыковой продокс Голема*; известен также как автостратический парадокс. Согласно новейшим историческим исследованиям, храм Артемиды в Эфесе сжег не Герострат, а Гетерострат. Это лицо сожгло нечто *вне себя*, то есть нечто *иное*; отсюда его имя (ср. греч. «гетерос» – иной). В таком случае Автострат – это тот, кто уничтожает сам себя (самоуничтожается). К сожалению, только этот фрагмент продокса Голема и удалось перевести пока на общепонятный язык. Все остальное в виде следующего высказывания:

$$Xi \cdot viplu (a + ququ 0,0) e \cdot 1 + m \cdot el + edu - d \cdot qi$$

принципиально непереводаемо на этнические языки, а также на любые языки математического и формально-логического типа. (Как раз в этой непереводаемости и заключается продокс Голема. См. также: **МЕТАЯЗЫКИ** и **ПРОЛИСТИКА**.) Существует несколько сот различных интерпретаций продокса Голема; наиболее известно толкование Т. Врёделя, одного из величайших математиков современности. Согласно Врёделю, продокс Голема состоит в том, что продоксом он является лишь для людей, а не для самого Голема. В таком случае это первый из известных к настоящему времени парадоксов, релятивизированных (отнесенных) к интеллектуальной мощи познающего субъекта. Связанные с этим вопросы наиболее полно рассмотрены в труде Врёделя «Общая теория относительности продокса Голема» (Гёттинген, 2075).

ПРОКЛАМАНКА – рекламный проспект (приманка), основанный на предвидении состояния рынка. П. бывают гражданские (**ПРОШТАФИРКИ**) и военные (**ПРОВОЕНКИ**). 1. **ПРОШТАФИРКИ** делятся на **ЗАПЯТКИ** (товар предлагается покупателю за 5 лет до его появления на рынке), **ЧЕТВЕРТУШКИ**, **ПОЛУШКИ** и **СТОЛЕШНИЦЫ** – с четвертьвековым, полувековым и столетним опережением во времени. Инфильтрация конкуренции, или **ИНФУРЕНЦИЯ** (см.), выражающаяся обычно в нелегальном подключении к общественной промпьютерной сети (см.: **СЕТЬ ПРОМПЬЮТЕРНАЯ**), превращает проштафирки в **ПРОБОЛТАНКИ** и **ПРИКАРМАНКИ** (см.), то есть саморазоряющие прогнозы. См. также: **ИНФУРЕНЦИОННАЯ БАНКРУТУЦИЯ**, **ПРОГНОЛИЗ**, **ПРОГНОКЛАЗИЯ**, **ЭКРАНИРОВАНИЕ ПРОГНОЗОВ** и **КОНТРПРОГНОЗИРОВАНИЕ**. 2. **ПРОВОЕНКИ** основаны на предвидении эволюции боевых средств (*hardwarware*) и военной мысли (*softwarware*). Для составления провоенок используется алгебра конфликтных структур (см. **АЛГОСТРАТИКА**). Секретные провоенки, или **СЕКРЕТАРКИ**, не следует смешивать с прогнозированием секретных боевых средств (см.: **ТАЙНОПОРАЖАЮЩЕЕ ОРУЖИЕ**). Тайным прогнозированием тайного оружия занимается **СЕКРОСЕКРЕТИКА** (см.).

ПРОЛИСТИКА, или **ПРОГНОЛИНГВИСТИКА**, – дисциплина, занимающаяся прогностическим конструированием языков будущего. Это возможно благодаря анализу инфосемических градиентов развития существующих языков, а также благодаря генеративным грамматикам и словородильням, созданным школой Цыбулина – Чесноцци (см.: **ГЕНЕРАТИКА** и **СЛОВОРДИЛЬНИ**). Люди не в состоянии сами прогнозировать языки будущего; этим в рамках проекта **ПРОЛИНЭ** (прогнозирование лингвистической эволюции) занимаются **СЛОВОЛОКАТОРЫ** (см.) и **ФРАЗОПЕЛЕНГАТОРЫ** (см.), представляющие собой **ГИПЕРПЬЮТЕРЫ** (см.), т. е. компьютеры 82-го поколения, подключенные к **ГЛОБОСЛОВУ** – глобальной эксформационной сети с ее филиалами на внутренних планетах – **ИНТЕРПЛАНАМИ** (от **INTERFACIES PLANETARIS**) и спутниковой памятью (см.). Поэтому ни **ТЕОРИЯ ПРОГНОЛИНГВИСТИКИ** (см.), ни плоды ее – **МЕТАЯЗЫКИ** (см.) – недоступны человеческому разуму. Тем не менее благодаря **ПРОЛИНЭ** можно генерировать какие угодно высказывания на языке сколь угодно отдаленного будущего и некоторые из них при помощи **РЕТРОЛИНТЕРОВ** переводить на удобопонятный язык, извлекая из полученных сведений практическую пользу. Согласно школе Цыбулина – Чесноцци (некоторые идеи которой предвосхитил в XX веке Н. Хомский), главным законом лингвоэволюции является эффект Амблйона – образование новых понятий путем стягивания развернутых высказываний в понятийные узлы. Так,

напр., высказывание: «Административное, торговое или культурно-развлекательное заведение, внутрь которого можно въехать на автомобиле либо ином средстве передвижения и воспользоваться его услугами, не выходя из машины» – в процессе развития языка стягивается в одно слово «въех» (drive in). Благодаря тому же контаминационному механизму высказывание: «Поскольку релятивистские эффекты не позволяют установить, что происходит в данный момент на планете Икс, удаленной от Земли на N световых лет, Министерство Внеземных Дел в своей космической политике вынуждено исходить не из реальных инопланетных событий (ибо таковые принципиально недоступны наблюдению), а из гипотетической истории этих планет, моделированием которой занимаются службы внеземного слежения и постижения, т. н. СКОРОПОСТИЖНИКИ» – мы заменяем словом «чуделировать». Слово это (а также его производные, такие как чуделятор, чудило, чудик, чудировать, чудесить, чудронить, чудрить и т. п. – всего насчитывается 519 дериватов) возникло в результате стягивания определенной понятийной сети в узел. И «въех», и «чуделировать» – слова современного языка, который в прогно-лингвистической иерархии относится к нулевому уровню (нуль-язык). Над нуль-языком надстраиваются следующие уровни: МЕТАЯЗЫК-1, МЕТАЯЗЫК-2 и т. д., причем неизвестно, имеет ли этот ряд предел или продолжается в бесконечность. Весь текст настоящей статьи Экстелопедии («ПРОЛИСТИКА») в МЕТАЯЗЫКЕ-2 выглядит так: «Оптимальник в эн-пинайдке завсклизуется в эн-те-синклюдоду». Как видим, в принципе любое высказывание на любом метаязыке имеет соответствие в нашем нуль-языке. Иначе говоря, между разными уровнями нет провалов, *принципиально*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.